

Глава 1. Подготовка.

К поездке на юг я готовился, как всегда, весь год. Всегда было так — стоило закончиться путешествию на Инжир в Балаклаву, как я приступал готовиться к следующему сезону. Все как у «Евровидения». Тщательно велся дневник, записывались важные детали путешествия и главные заметки для будущего года. Описывались неудачи, недостающие элементы планировались быть возмещенными в следующий раз. В общем, в лучших традициях.

Вот только размахнулся я в этом году не на шутку.

Нырять прошлым летом ночью, я страшно намучался: мой гидрокостюм в 5мм с плюшем внутри был словно поплавок, а чужой пояс в 9кг перегрузил меня и я никак не мог вывеситься в воде. В довершение проблемы, у меня подтекали маска и трубка и я терялся в догадках — почему?

Благо, рядом тогда оказался интересный дядька Кирилл. Двухметровый отшельник, с головы до ног покрытый синими татуировками на морскую тематику. В его «УАЗике-буханке», оборудованном по последнему слову техники выживания в одиночку, он перечислил все, что у нас на стоянке сломалось. И, хотя мою проблему он не решил — дал поплавать со своим профи-оборудованием. Я попробовал и понял, что все что есть у меня — нужно немедленно выбросить на свалку, а приобретать нормальные профессиональные вещи.

Глубоким ноябрьским вечером я засел инспектировать свои плавательные принадлежности. Большим открытием для меня стало понимание причин подтекания маски — моя рожа располнела и маска стала попросту маловата. Этот факт поставил точку в моих сомнениях. Худеть лицом на зиму не представлялось возможным. Оставался последний ход: покупка новой маски. А поскольку в мешке их лежало три, а трубок — семь, и все они больше не могли мне служить, я понял — «ре бена геста» - делать — так делать!

Так я оказался сначала на сайте, а затем и физически в одном из классных профи-дайверских магазинов.

Не считая денег ради осуществления мечты, мое эго сделало меня счастливым обладателем толкового профессионального комплекта — маски, трубки и ласт. Тем не менее, покупка делалась после тщательного анализа и консультаций, проб и экспериментов, поэтому бездумной ее не назовешь. В итоге, я получил, похоже, желаемый результат уровня дайвера среднего класса за вменяемые деньги.

Еще несколько дней мытарств по сайтам, поездок по городу в 35 градусную жару в машине без кондиционера — и я завершил начатое приобретением отличного дайверского гидрокостюма из нового неопрена 2-3мм французской компании BARE, но, как водится в современном мире, камбоджийского пошива. Забегая наперед, скажу — не разочарован. Но покупка серьезная, дорогостоящая и требовала ну очень внимательного подхода.

Экипированный по самые уши, я привел в порядок остальное снаряжение и к моменту старта был готов полностью.

Моя вторая половинка отважная и непобедимая Елена была оснащена немного попроще, но достаточно, чтобы не только плевать семечки на берегу.

Стартовать предполагалось в жаркую августовскую ночь.

Все те, кто кулаками бил себя в грудь, полгода угрожая рвануть вместе с нами, по разным причинам сделать это не смогли. И я понял, что нам с Еленой придется прокладывать дорогу к горизонту своими силами. Всегда, конечно, лучше, если впереди

тебя, или за тобой несется кто-то из друзей, и случись с тобой что — помощь будет незамедлительной. Но, как показывает практика, из года в год в таких мероприятиях мы остаемся один на один с судьбой и нашей старой 33-летней колымагой, которая каким-то неведомым чудом еще продолжает служить верой и правдой.

Так случилось и в этот раз. Модные внедорожники и кроссоверы, способные вынести любые дорожные неприятности остались в мегаполисе, а старуха - «АЦАЦА», моя верная 740я бензиновая «вольво» на зимней резине с объемом двигателя 2,3 литра, кряхтела под подъездом, загружаемая мною в три часа ночи по самые помидоры. Кого-то может удивить такой факт, как упаковка машины в столь поздний час, но только не тех, чьи стекла хоть раз вылетали под натиском местных наркоманов, позарившихся на шариковую ручку на торпеде. Поэтому все, что предполагалось брать с собой, горами возвышалось вдоль стен квартиры, перепрыгиваемое и перешагиваемое, до самого начала погрузки.

Опыт грузчика по мебели поистине бесценен. Я приобрел его в бытность, когда спина еще не прихватывала, а водки я мог выпить до литра. Теперь спина напоминает о себе с завидным постоянством, а водка могла скиснуть в дверце холодильника. Но опыт — это как езда на велосипеде. Разучиться упаковывать чужие шмотки в будку «ГАЗа-53» я не смог. Поэтому, небольшая игра в пятнашки — и в машину влезло все, что только можно было себе представить.

А представить себе сможет только тот, кто знает, каково это — обеспечить себе комфортное проживание с месяц на море, да так, чтобы оно ничем не могло расстроить жену. Потому что расстроенная супруга — это агрегат, генерирующий неожиданности. Она готова сразу включить защитный механизм и количество ожидаемых, тяжело выстраданных волшебных дней под августовским солнцем может сократиться молниеносно. Значит, необходимо сделать так, чтобы отдых дикарем в джунглях ощущался не выживанием, а «чудесным приключением в райских кущах». С элементами «онли-клюзива», как она изволит выражаться. Да Бога ради — любой клюзив, только никаких вот этих вот: «Ой, я уже нагулялась... наотдыхалась... пора домой!». Ни-ка-ких домой. Домой — удел слабаков! И значит — 33 года для машины не возраст. Дотянет.

Глава 2. Дорога в горизонт

Ночная трасса Киев-Юга — это квест на внимательность. Она уже лет 15 должна была значиться автобаном, но пока ее нельзя назвать не только дорогой, а даже «направлением», потому что это самое направление она меняет постоянно. Дело в том, что трасса первые километры 50-80 находится в состоянии вечного капремонта, но этот самый ремонт происходит хаотично — то с одной, то с другой стороны, таким образом несколько полос внезапно начинают сужаться в одну, а затем эта одна под углом в 45 градусов перемещается на встречу и вот ты уже несешься навстречу чьим-то фарам, рискуя в любой момент получить удар в лоб от задремавшего усталого водителя. Или, сам устав от бесконечно ослепляющей гирлянды, потерять ощущение габаритов и оказаться в чьем-то встречном салоне в виде мясного фарша. Скорости никто не снижает — летящие в сторону моря по причине адреналина, вызванного внезапной возможностью вырваться из столицы на юга, летящие обратно — от усталости пройденного пути, близости города и непреодолимого желания поскорее добраться. Интервалы и дистанции не соблюдаются, обгоны происходят на критически узких участках — в общем, это то ли потеря, то ли квалификационный заезд «Формулы».

Мы прорываемся. Прорываемся и я со стороны выгляжу как крутой и опытный чувак-водитель, которому все нипочем, а на самом деле — просто повезло, что инстинкты и рефлексy сработали правильно.

Впереди полтыщи километров, но самые противные участки пройдены. Теперь «газ у пол - нога прямая». Нужно спешить. Светает.

На рассвете все кошки серы. Время рассвета и сумерек французы тоже называют «серым временем». В этот момент главное понять, как работает организм — хочется ли спать, адекватно ли воспринимаются препятствия. Нужен пит-стоп.

На заправке — толпа. Значит, подъехал «писающий» бус. Это нормально — восемьдесят человек - пока сорок ссут, сорок выются очередью к кассе за кофе. Скоро они доберутся до Юга и море выйдет из берегов желтыми пенящимися волнами.

Кофе можно попить дальше, на другой заправке, там где не такой цивилизный туалет. Туда сисястые матроны не пойдут. Им нужны сосиски в тесте, гамбургеры, хот-доги и туалетная бумага. Там такого не будет.

Мы это знаем и, в общем-то, прекрасно справляемся. На следующей заправке есть точно такой же кофе, только дешевле, а абсолютно приемлемый сортир имеет вход с улицы, но у туристов собирающихся прожить три недели в лесу — само понятие «туалет» уже вызывает прощальную улыбку.

Снова старт. Нужно преодолеть как можно больше километров, пока солнце не вылезло окончательно и не напомнило, что кондиционер в машину стоит около 1000 долларов.

Музычка ритмично себе «туц-туц», голова кивает в такт, солидарность не спящей супруги благодарно подкупает — все-таки приятно ехать, когда тебе не нужно никому завидовать.

...пройдено 80% пути, еще пит-стоп и странное зрелище — прямо под заправкой разгуливают в глубоком вольере ... огромные страусы. Питомник? Зоопарк? Разбираться некогда — туалет тоже один, тоже снаружи, но тут уже стоят мамы с десятком проснувшихся спиногрызов, и всем приспичило.

Мчим дальше. Вот уже холмы с недостроенными перемычками каких-то виадуков или мостов. Машина натужно ревет, поднимаясь по крутому склону — она перегружена, спидометр сгорел, как и в прошлом году, после превышения показателя «120км/ч», но пока еще работает коробка и включается овердрайв.

Вскоре появляются лиман, солончаки, пригород южной столицы, окруженный комплексами супермаркетов. Сразу вспоминается КВНовская шутка: «Здравствуй город Киев, город всех памятников на одной площади!» То же самое и тут: все супермаркеты толпой под одной крышей. Молл.

Но столица солнца сегодня не для нас. У нас поважнее задача — нам ее нужно объехать, а светофоры уже подстерегают. Солнце нещадно палит, а ты прямо спиной чувствуешь, как на пляж твоей конечной точки стекаются однодневные воскресные шашлычники, из-за которых можно и не стать на своем месте, если оно вообще не занято, на что мы практически не рассчитываем, но... вдруг?... все-же...

Ну просто нестерпимая жара! Полдень. Машины пляшут по дороге, объезжая ямы, над асфальтом дрожат миражи. Но уже появляются знакомые очертания и пейзажи. Нога инстинктивно продавливает пол — бессонная ночь, утренняя дремота, полуденная жара — все сливается в единый сгусток и протуберанцем выплескивается на акселератор. До заветной финишной прямой уже считанные километры, но нужно сделать досадный крюк за припасами. Все-таки, лучше скупиться провизией на ближайшие несколько дней заранее. Чтобы потом смело не покидать мест дислокации и держать оборону. Это важно в первые 2 дня заезда, расположиться и показать, кто на самом деле тут хозяин.

В город конечного пункта мы врываемся, как оргазм в девственницу и, расталкивая габаритами мелкие тачки на узкой улице, паркуемся с важным видом у знакомого маркета.

Оперативно, со знанием дела загружаем тележки, но на подъезде к кассе один из пластиковых двухлитровых бутылей пиваса падает на пол и, несмотря на закрытую пробку, окатывает феерическим фонтаном пены все вокруг. Все внимание магазина — на мне. Мало того, что я, двухметровая детина в летних штанах совершенно невообразимой расцветки, десятью перстнями на пальцах и спрятанной под яркой банданой гривой, так тут еще вот это вот всё. Я нагружаю телегу пивом доверху, а Еления уже на кассе проталкивает свою — с провиантом. Кое-как мы расплачиваемся и, нервно ругая все на свете (сказывается усталость, спешка и жара), выкатываем тележки к машине. Тут нас ждет новая задача: как впихнуть невпихуемое? Машина загружена более чем под завязку, а еще хорошо бы набрать пресной воды — куплено ее немного. Но вскоре мы понимаем, что от этой идеи нужно отказаться — невозможно всунуть в салон уже даже двушки с пивом.

Складываю Елению в асану, не описанную ни в одном учебнике по йоге, на переднем сиденье и просто заваливаю все оставшиеся свободные полости в салоне бутылками. Все. Больше вариантов нет — нужно ехать на точку высадки.

Дорога недалекая и волне себе ровная. Через пять километров мы въезжаем на территорию, откуда до горизонта на сто восемьдесят градусов можно рассматривать море. Но перед водой живописно расположились десятки машин с отдыхающими. Между машин растянуты тенты или выставлены на раскаленном песке палатки всех мыслимых видов, цветов и размеров. Некоторые туристы — со своими мангалами, а кое-кто уже выкопал и оградил черным целлофаном персональные туалеты. Где-то ритмично из динамиков пердит Сердючка, где-то печальным волком подвывает шансон, над всем этим страшной горой возвышается не вывозившаяся весь сезон, двухметровая в высоту и сорокаметровая по площади, груда мусора, щедро сдобренная пустыми пластиковыми баклажками, сквозь вонь которой прорывается аромат шашлыка и свежесгнивших водорослей.

Снуют красные бугристые носы, пивные волосатые животы и мясистые сисяндры в тени широкополых шляп.

Август, ёпта. Картина маслом.

Но это все как раз замечательно. Это наша ширма, наш бруствер. Случайные пляжники, проездом попавшие сюда, при виде этой вакханалии, незамедлительно разворачивают оглобли, если находятся в здравом уме. Те же, кто знаком с этим местом или видом отдыха, радостно вклиниваются в гущу событий и гуща эта их поглощает, обезличивая, делая одними из самых счастливых среди себе подобных.

Однако, наша задача иная. Нам здесь все понятно, но мы не имеем ничего общего с этим скотомогильником. Мы начинаем сложное и опасное путешествие к своим тайным местам.

Высоко над пляжем вдоль скалы тянется дорога смерти. Ну, может быть не смерти, тогда пусть будет дорога к счастью. Но ширина ее — в аккурат под мою машину, слева — гора, а сама дорога наклонена к обрыву на градусов 30. Кроме того, ситуация осложнена тем, что вначале необходимо преодолеть подъем под 45 градусов, и нос машины взлетает в небо, а ты уже не видишь куда едут твои колеса. Ты видишь лишь облака. А сразу, как только машина начинает принимать горизонтальное положение — начинается тот самый узкий и наклоненный к обрыву участок. И можно было бы поддать газку, и, прижавшись водительской дверью к скале, проскочить его на скорости, но, как назло, за узким участком стоит дерево, а за деревом крутой поворот влево. Всю эту комбинацию разыграть и не

сползти с обрыва на головы пляжников — дело не для слабонервных и не для водителей-чайников. Тут нужны три фактора: чувство габаритов, знание своей машины и железное очко. Все это у меня при себе имелось, а для нас служило основным барьером для праздно шатающихся.

Но фишка была еще и в том, что дальше дорога вилась над крутыми оврагами и развернуться на ней возможности не было никакой. А в итоге, она упиралась в небольшую площадку-тупик, с которой начинался узкий и крутой спуск пешком к морю. Где и пряталось наше заветное место.

Рисковать мы не стали. Кое-как выковыряв Елению с пассажирского сиденья, мы вместе отправились пешком по этой коварной дороге. Предстояло провести разведку, прежде чем бросаться на амбразуры.

Как назло, впереди нас шел топал какой-то парнишка в плавках, грызя грушу, но топал достаточно уверенно, что указывало на знание им маршрута и вероятную занятость территории.

...на тупиковой площадке обнаружилось три машины. Одна из них была с молдавскими номерами и подозрительно знакома... Но мне как-то не поверилось, что кто-то из знакомых молдаван мог приехать, не сообщив мне об этом. И я счел машину просто похожей на чью-то.

На большой площадке, с которой открывался вид на весь наш берег расположилась семья средних лет, с 2мя палатками. На берегу тусили еще какие-то 3-4 разнополых человека. Притормозив на распутье, я стал вглядываться в лица и территорию — не столько чтобы кого-то опознать (так я больше походил на «бывалого» здесь), сколько на то чтобы оценить наши шансы загнестись. Увы, шансов было мало - на берегу знакомых не оказалось, но с местом проблем не было. Проблема была с солнцем, которое нещадно жгло скалистый каменный пляж. Стоять на нем ну никак не хотелось, а выбора, похоже, не было.

- Ленчик, а ну высматривай кого из наших! - скомандовал я, как капитан на мостике, стоя на чужой площадке. Пусть будут уверены, что я тут абориген. А сам тем временем стал вглядываться в теневую поляну в кустах, где, собственно, мы всегда и стояли и куда, собственно, мы и ехали. Там происходило какое-то движение и я понимал — место занято, но кем? Дружелюбными ли туристами и можно ли с ними вести диалог? А главное — если занято, то на сколько? Этот вопрос я должен был задать его обитателям, так как от их ответа зависел практически весь наш дальнейший отпуск, а точнее — его качество.

На входе в «наше место» появилась незнакомая девушка. Едва доставая до ее бедра, рядом с ней стоял незнакомый ребенок.

Я решительно направился по каменным ступеням к ней, чтобы поздороваться и поинтересоваться на предмет, не желают ли они немедленно испариться.

...В тени МОЕГО МЕСТА живописно расположилась палатка Сереги «Сыроежкина», молдаванина, отца 4х детей, двух из которых я знал по прошлым годам совместного отдыха. Только сейчас в тени ветвей расположилась вся его семья, включая жену, ту самую девушку, которую я и увидел стоящей на входе в лагерь.

Встреча была бурной.

Во-первых, как оказалось, ни Серега, ни мы не подозревали о визите друг друга. Я — потому что ну ничто к этому не вело, а он — потому что интересовался насчет меня у своего друга Валерчика, которого я ставил в известность о своих намерениях, но который эти намерения Сереже почему-то не открыл.

Во-вторых — кайф был в том, что единственное место на побережье, скрытое в тени, оказалось во владении знакомой компании, более того — место, где обычно стояла наша палатка, было словно под нее забронировано — на нем не стояло даже никакой Сережиной утвари. Это просто поразительное везение, особенно, если учесть, что всего в километре от нас люди толпились друг у друга на голове, шипя в кипящем море, как во фритюре.

Жена Сереги была обладательницей троих пацанов мал-мала-меньше, трех? -летней дочки и непривычного для нашего слуха имени Агриппина. Разумеется, она знала о нас, слышала Серегины рассказы о нас раньше, но, поскольку никогда не видела - стояла совершенно огорошенная нашим бурным и громогласным появлением. Я же, четко понимая, что место, как ни крути — а найдено мной, да и вообще — я просто ПРИЕХАЛ, что тут непонятного? - не мудрствуя лукаво, сразу обозначил точку посадки. Оставалось малое — сходить за машиной и привезти ее по обрывам и над оврагами в лагерь. Это было труднее всего. Поэтому Сыроега и Ленчик пошли со мной.

Перемахнуть подъем большого труда не составило. Сыроежкин трусил по грунтовке между оврагов впереди, а я плыл шаландой позади, высунув руку из окна. Казалось, что такая мелочь, как риск свалиться с обрыва уже позади. Но через сто метров машина внезапно вывесилась под диким углом над глубоким оврагом. Я затормозил. Пот медленно стекал по щекам, жара добивала, а правая рука судорожно зацепилась за спинку пустого пассажирского сиденья. Я почти лежал на боку, рискуя то ли сползти в огромный овраг, либо перевернуться и скатиться в него же.

Я выключил двигатель. Казалось, уже ничто не заставит меня отпустить ногу с тормоза и поехать вперед, но сзади подперла еще одна, невесть откуда взявшаяся машина, очевидно одного из отдохавших тут семейств. Я попререкался с Серегой несколько минут, и убежденный им, что все будет хорошо, завел двигатель и рванул с места. Задний привод присвистнул на сухой глине, но зимняя резина вытолкнула 2,5-тонную махину вперед. Переваливаясь с ямы на холм я каким-то чудом преодолел последние десять-двадцать метров и, наконец, припарковался на привычном и до боли знакомом своем месте.

Стоп, караван. Приехали.

ГЛАВА 3. ЗАСЕЛЕНИЕ.

Море было грязным, словно в него прорвало канализацию турецкого пятизвездочного отеля. На волнах пенно кружился мусор, непонятно откуда пригнанный не то ветром, не то течением. В море не хотелось. Даже с дороги.

Хотелось пива, потому что жара стояла невыносимая и даже в наших кустах на стоянке дышать было нечем.

Памятуя, что большая работа начинается с большого перекура, мы принялись за пиво, а уже потом — за установку палатки. Эта негодяйка подвела нас и в самый последний момент в сборном каркасе порвалась резинка, без которой поставить нашу высокую, больше чем двухметровую палатку попросту было невозможно.

Чертыхаясь, но при этом попивая пивцо, мы Ленкой принялись за ремонт. Легко сказать, труднее сделать. Однако — глаза боятся, а руки делают. Часа два борьбы и нам удалось не только починить каркас, а и выставить свой дом в полной красе. Правда, изрядно захмелев.

Сыроежкин, поначалу объявивший о том, что они уезжают, внезапно решил изменить свои планы и предположил, что уехать ему лучше самому, а Агриппину и четверых своих отпрысков оставить на наше попечение. Никакие уговоры остаться не помогли — у Сереги «появилась» обязательная работа где-то дома, в Кишиневе, а смысл вывозить детей всего на пару дней на море терялся где-то в его предыдущих планах. Разумеется, отправить с ним его семейство насильно мы не могли, переселяться тоже уже было как-то глупо. Оставался вариант — сожительство. Благо, Серега пообещал вернуться за семьей в среду, а сколько тут оставалось, в воскресенье-то... Пара дней в компании детей в ожидании наших друзей — не проблема, решили мы, и отпустили Сыроежкина с Богом. Агриппина была явно

в шоке от такой бесцеремонности мужа, но матриархатом в их отношениях и не пахло, тут все решал папа и воля случая. Сегодня случай был на его стороне.

Чтобы семье не было грустно, он свозил их в супермаркет перед отъездом, купив там хлеба и чего-то невидимого нашему глазу, после чего его «фольксваген» пыльно унесся в горизонт. Теперь дети могли спокойно раздирать нас на части. Единственная преграда была недостижима.

Пока Ленка пыталась нащупать коммуникационные центры в Агриппине, я раззнакомился с соседями. Как ни странно, а мне уже ничего странным не виделось, а соседи оказались земляками из Киева, точнее - из-под Киева — из Белогородки, семейной парой, Денисом и Татьяной. И то ли к счастью, то ли на беду, также счастливыми родителями двух примерно тождественных по возрасту молдавским пацанов — Глеба и Никиты. Детей мы объединили для кучности и стадного чувства, а со взрослыми начали знакомиться, как заведено у тех, кому уже больше 21 года по паспорту.

От них мы узнали, что на плато возле нашего лагеря базируются старожилы-белорусы, правда, я так и не понял, какие они тут старожилы — я раньше их не встречал. Но жили они явно странно — без столов, без шатров, лежа на подстилках под открытым солнцем. Палатки две у них были, но только и всего — не было видно никакой утвари, приспособлений или чего-то, что обычно входит в набор туриста. Голая площадка, две палатки, две подстилки и вялый, поникший на солнце зонтик. Все.

Вечер незаметно сгустил краски, на щеках Ленки появился закатный румянец и вино сделало свое дело — она опала еще до первой звезды. Я продержался какое-то время в компании, но эйфория заезда, бессонная ночь и огненная вода уложили меня вскоре без особого труда.

Спал я безмятежно и неинтересно.

А утром нас всех ждал сюрприз. Солнце, укатившееся с вечера за горизонт, отказалось возвращаться, прислав вместо себя одеяло туч и морозящий неприятный дождь.

Несмотря на это, я отправился с самого утра по дороге с лопатой и топором, и часа два ровнял дорогу в том месте, где едва не упал накануне в овраг. Дело спорилось, дорога и вправду ровнялась, но дождь срывался все чаще и обильнее и это выводило меня из себя. Пришлось вернуться в лагерь.

Такого моря я не ожидал. После непродолжительных утренних моционов, мы прямо на поляне в кустах решили установить шатер. Это удалось быстро, но самое главное — вовремя! Едва шатер принял надлежащую позицию, с неба рубанул ливень. Нас начало отчаянно заливать. А ливень в глиняных ущельях — дело весьма неблагодарное, тут вам и глина и потоки, несущиеся с гор, и просто невеселая картина. Пришлось повесить еще и стенки, чтобы превратить шатер в дом. Внутри загнездились всей толпой. Дети что-то жевали, Агриппина взидала на все это с обреченным видом, Ленка, еще не уставшая от отдыха, пыталась найти во всем происходящем прекрасные моменты — ведь отпуск только начался, мы на море, пьем пиво и вообще, дождь — это прекрасно.

Соседи, соблазненные веселым настроением распространявшимся от нас и запахом пива, исходящими из-под навеса, не заставили себя долго ждать и вскоре у нас на стоянке стало шумно и до подозрительного нескучно.

Свежо предание — работа, отсутствие связи заставляло носиться под дождем на верх горы, чтобы пообщаться с сотрудниками — им еще предстояло привыкнуть к моему отсутствию, а пока они отчаянно искали причины не дать мне расслабиться. Я подкорректировал какие-то текущие вопросы и к вечеру звонки поутихли. А мы продолжили «знакомство» у нас.

Дети выносят мозг и поглощают абсолютно все, что только мы ни пытались извлечь на свет божий из наших закромов себе под пивко. Традиционный вопрос: «А сё вы тут

кусиите?!» вскоре дополнился наглым: « А почему без меня?» и далее по тексту. Было понятно, что Агриппина на них не имеет никаких средств воздействия, прочем, она все еще боязливо озиралась по сторонам — мы не стали ей ближе за сутки, а чужие люди в виде соседей на нашей стоянке и вовсе озадачивали ее. Очевидно, сама она никогда ни с кем, кроме Сережи не знакомилась, да и мало что умела, кроме производства детей. В душу к ней мы не лезли, но все-таки пытались ее хоть немного подпоить, чтобы она расслабилась и не пугалась происходящего.

Погода потихоньку начала налаживаться, но для пляжа и морского отдыха была еще слишком капризной, поэтому пришлось усугубить наши возлияния, которые снова вывели нас из равновесия. То ли от избытка впечатлений, то ли из-за округлости нашей планеты, Ленка неуверенными шагами отправилась в палатку, а я, еще немного погорланив по просьбам отдыхающих и на радость детям песен под гитару, последовал туда же. Второй день отпуска пролетел, не оставив никаких шрамов в моей биографии...

Глава 4. Коннектин пипл.

Вторник, а это был он, предвещал среду и возвращение Сыроежкина из Кишинева, но при этом, вторник нужно было пережить. Утром все еще срывался дождь. Попытки выяснить дату отъезда белорусов и, соответственно, освобождения плато, на котором я непременно собирался разбить вторую часть лагеря, ни к чему не привели. А сидеть в кустах под навесом с тремя стенками, видя море лишь в узкую вертикальную щель между кустами третий день подряд как-то не улыбалось. Нужно было что-то предпринимать. К тому же, беларусы сделали ход конем — они поехали в город и затарились провиантом. Правда, предложив нам услуги по доставке воды, но не смогли разменять Агриппине 5 евро в обменнике. Ей-Богу, весьма странное семейство...

Я осмотрел все окрестности и обнаружил, что слева от нашего лагеря, при должном приложении труда, можно расчистить небольшую полянку на обрыве, откуда открывался вид весьма симпатичный и почти ничем не уступающий по обзорности площадке с белорусами. Единственным минусом была ее маленькая площадь — уместиться на балкончике могли бы только пара кресел да небольшой столик. Но Агриппине все равно туда был путь заказан — там был обрыв, а ее муравейник требовал чуткого орлиного внимания. Поэтому я, вооружившись испанским мясницким тесаком, расчистил его только для нас с Ленкой двоих. Затем искупался, набрав мидий для предполагаемой завтрашней рыбалки. При этом был весьма удивлен, что меня так больно бьет по спине, пока я плыл в маске с трубкой, погруженный в воду и свои мысли. На удивление, это оказался град и я, решив, что плавать в грозу — это уже слишком, вернулся на берег. И уселся в кресле наблюдать за действиями на пляже.

А там вскоре распогодилось, в воде резвился Денис и появилось две девчонки туристического вида с рюкзаками. Они изучили нашу территорию и разместились возле мыса, метрах в ста от нашей цивилизации, на «креветочном» пляже. Однако, сто метров бешеной собаке не крюк. Вован, младший из писюнов Сыроежкина, незамедлительно отправился покорять сердца туристов. Мы уже были ознакомлены с нестандартным для его возраста интересом к особам женского пола. Он был не по годам любвеобилен, и терся все время возле барышень, присутствовавших или случайно оказавшихся на нашем пляжном километре.

Конечно, вновь прибывшие девчонки и подозревать об этом не могли и, завидев кроху лет пяти, отчаянно пытались ублажить его конфетками, шоколадками и прочими ништяками, с трудом притащенными ими за километры из города. Откуда им было знать, что даже темнота, спустившаяся на пляж, не сможет испугать этого закаленного молдавского парня, а его желудок способен вместить куда больше содержимого, чем рюкзаки туристов.

Мы, со своей стороны, сделали все что могли: дважды позвали его домой и намекнули Агриппине, что ей впору было бы спохватиться, где ее сын, поскольку корабли на рейде давно уже включили фонари. На что Агриппина только махнула рукой, а я сделал для себя вывод, что дети, равно как и девчонки — не мои, играйте, шо хотите.

С такими выводами я достал гитару, а Денис — литруню, мы дружно расправились с ней и драли глотки, пока я не осип, исполняя свой хит - «Собаку». Дружба у нас наладилась, в общем.

Утро среды как-то ненавязчиво прониклось бодунными нотками. Я вспомнил про мидий и выполз из палатки, предвкушая утреннюю рыбалку. Солнце только появилось над горизонтом, а море лишь слегка покачивало волнами, поэтому я весело прихватил удочки и прошлепал мимо девичьих палаток на «креветочном», выбирая место для рыбалки.

Акватория сильно поменялась с прошлого года, дно особенно — оно стало более песчаным, а вода была в это утро настолько хороша, что рыбе просто не хотелось из нее вылезать. Поэтому, все мои потуги не увенчались ни единой поклевкой. Если учесть, что в прошлом году аналогичные действия при тех же условиях и снаряжении предоставляли вполне сносный рыбацкий завтрак, то в этом году утро обещало пахнуть консервами и колбасой, но никак не жареными бычками.

Я категорически расстроился и, сильно озадаченный, вернулся, заведя проснувшуюся и жестикулирующую Ленку.

Недолго посокрушавшись под утренний кофе, я растолкал Дениса. Тот был в состоянии некоторого алкогольного послевчереашья, но я предложил ему вместо опохмела трудотерапию, в виде дорожно-ремонтных работ. Я преследовал серьезные цели: во-первых, завтра должны были приехать друзья, а дорога была еще далека от безопасно-проездного состояния. Во-вторых, друзья приезжают и уезжают, а мне хотелось быть автономным и тоже выехать в город, но сделать это по страшным, раздолбанным колеям, нависающим над оврагом, меня бы еще раз ничто не заставило.

Бодун Дениса оказался парнем боевым, окрылил его тело и мы не только умудрились расчистить опасные участки, а и расширить крутой поворот над обрывом. Орудовать пришлось топором и лопатой, рыхля и ровняя слежавшуюся в камень глину. При этом, солнце близилось к полудню, с нас текло, как со свиней и вода заливалась внутрь литрами. Через пару часов такой каменоломни мы вернулись в лагерь, пыльные, грязные, изжарившиеся, но весьма довольные собой и с чувством выполненного долга.

Нанырившись и выдохнув, воздали должное пиву.

Сегодня была среда и мы ждали, как было условлено, Сыроежкина, а Денис — еще своего какого-то друга. Однако, молдаване народ суровый. Судьба четверых детей Серегу, очевидно, не так чтобы и беспокоила: он не только забыл приехать, а даже и позвонить. К слову, позвонить он мог только мне — Агриппину с их мелочью он оставил без связи, насколько мы понимали. Телефона у нее не было, или не было карточки — в общем, как-то так. Он набрал нас всего один раз в понедельник, а услышав, что все в порядке (ну, а что я должен был сказать ему спустя всего ночь с его отъезда?), твердо решил, что так будет и дальше.

Агриппина пожимала плечами и угрюмо молчала. Ленка со своей колокольни как-то ее подбадривала, но разбираться в сложных выкройках молдавских отношений все равно не имело смысла. Я же, понимая, что ситуация все равно тупиковая — просто подливал пиво в бокалы.

К вечеру к нам-таки приехал Сережа, но — другой. Друг Дениса. Судя по рассказам, человек изрядно повоевавший в АТО, повидавший передовую в начале войны и поведавший нам немало интересного. К слову, Сережа не пил, был осведомлен в различных областях и умело и долго поддерживал весьма увлекательную беседу, в то время как мы, вальяжно расположившись в нашем лагере, потягивали пиво. Агриппина до первой звезды отчаянно

жонглировала детьми и тарелками, периодически улыбаясь на какие-то реплики в свой адрес, но одной чашки вина ей хватило на весь вечер.

Жена Дениса, Таня, соорудила на плите кастрюльку вкусного ароматного борща и накормила всю нашу ораву. А затем вечером подоспели шашлыки из привезенного Сережей мяса и мы пировали у нас долго и весело.

Площадка по-прежнему была занята белорусами и созерцать корабли на вечернем рейде нам уже которую ночь не доводилось. А топать на пляж и тупо сидеть там в темноте попросту не хотелось. Так мы коротали очередной вечер под шатром в недоумении.

Поскольку Сыроежкин не звонил, не приезжал, то когда и как Агриппина с детьми должна была попасть в родную страну — оставалось загадкой. У меня на счету закончились деньги для международных звонков, а у Ленки — и не начинались. Поэтому, я решил, что утро вечера мудренее, тем более, что завтра должны были приехать Жигуны и Басецкие, прихватив с собой Машу Романову, отдохавшую тем временем неподалеку, но — в цивилизации. Дети продолжали носиться оголтелой толпой, но меня бросает в дрожь при одном воспоминании об этом табуна и я предпочитаю поменьше углубляться в эти воспоминания.

Впрочем, вот так внезапно и закончилась среда...

ГЛАВА 5. ПОНАЕХАЛИ.

Едва рассвело, я принялся за уборку лагеря. Как ни крути — день «Ч»: приезжают гости, да не просто гости, а друзья, которым уже второй год подряд во всех цветах и красках рассказывалось об этом месте и нашем прекрасном отдыхе. Разумеется, хотелось, чтобы все выглядело просто сногшибательно.

Сегодня мне предстояло сразу несколько событий: во-первых, сесть за руль. Во-вторых — опробовать новую трассу, столь мужественно раскопанную нами с Денисом. В-третьих, предстояло закупиться и затариться пресной водой в городе. При этом нужно было выполнить еще две миссии вселенского масштаба: первая - пополнить счет и любым способом узнать у Сыроежкина судьбу его семьи — будет ли он их забирать или можно оставить их себе. И вторая — встретить в городе так называемых «Жигунов» - так объединим в одну фамилию всех пятерых, ожидаемых в гости.

Народ на стоянке с утра под уборку посасывал пиво, а я, ввиду водительской обязанности, облизывал сухие соленые губы и напихивался минералкой. Наконец, около трех пополудни, мы с Ленкой поняли, что только зря теряем время. Я, конечно, всячески оттягивал момент выезда — так мне было стремно ехать по этим буеракам, но момент настал. И я рванул.

Расчищенные и выровненные нами с Денисом участки дороги я прошел без осложнения, что уже вселило уверенность. Но перед поворотом пришлось вперед отправить Ленку. И не зря: как раз за холмом навстречу мне по дороге топал центнер в шляпе и с титьками, таща за руки троих детей — очевидно срать, в кусты. Да-да, не какать, а именно - срать, потому что местные пляжники делали это безбожно прямо на дороге, не утруждая себя перемещениями по каким-то окрестностям. А в силу того, что колея была весьма узкой, объехать весь этот высушенный солнцем попкорн было попросту невозможно. И, разумеется, нетрудно себе представить, в каком состоянии были колеса у машины, проходившей через эту стометровку.

Ленка отпугнула шествующих и махнула мне — можно ехать. Можно, конечно. Но, блин, страшно! Я в этот момент прятался за поворотом — после выезда из-за него следовало сразу давать газу, чтобы проскочить опасный участок. И, пока Ленка бегала, я выключил двигатель. А после ее разрешающего сигнала больше всего на свете мне хотелось выйти из машины и найти на пляже кого-то, кто проедет этот участок за меня. Но я понимал, что на такое я бы пошел, разве что если бы был в отпуске один.

Сейчас я полностью доверился Елене. Завел мотор и сам себе под нос пробурчал: «Давай! Ты же уже делал это сто раз! У тебя все получится, ты должен!» и с этими словами рванул вперед.

Машина взревела, а затем взвилась носом в небо. Я снова на три секунды видел только облака, не ощущая ширины дороги, лишь нутром понимая, что левое колесо идет по краю обрыва, а пассажирская дверь шкребет о скалу справа. И, только перемахнув, через подъем и увидев впереди стоящую Ленку, я ударил по тормозам. Руки тряслись, пот стекал из-под банданы по завязанным Ленкой косичкам. Пронесло.

Чтобы как-то сбросить стресс и вспомнить, как выглядят Люди, мы рванули в центр цивилизации — небольшую уютную набережную с прилегающим парком. Там, в кафе, нас ждал чудесный, нет, волшебный, лимонад за астрономическую стоимость, но разве может настоящего мужчину испугать цена напитка, если в нем плавает лед, которого мы не видели уже почти неделю, изнывая под почти 35-градусной жарой?

Лежбище сивучей на пляже завораживает. Мне давно, почти с детства, не дает покоя мысль — почему люди ТАК отдыхают? Вот все это месиво тел на пляже, выжаривающее тела под солнцем еще полбеда, но потом ведь вся эта масса с постоянной периодичностью идет — внимание! - смыть — снова внимание! - все свои ВЫДЕЛЕНИЯ в прибое! А заодно пукнуть, отлить и поелозить ладошками в плавках, вымывая из всех щелей и складочек особенно ядренные секреты. Затем нырнуть, для пущей убедительности, вынырнуть, выплюнув попавшую в рот воду раза четыре и непременно высморкаться. А потом с чувством выполненного долга, вернуться неспешной походкой на подстилочку, скушать дыньку и завалиться вонять на солнце до следующего захода в романтический прибой. И получить для закрепления материала дозряк солнечной беспощадной радиации. Чтобы потом удивляться появлению красноты, пузырей, а позже - раковых клеток в медицинской карте. И мазаться всю ночь холодной сметаной. Я просто вижу, как в прибрежном киселе резвятся триллионы бактерий из рекламы про средство для унитаза. И знаете как это все называется? Оздоровление! Люди так ОЗДОРАВЛИВАЮТСЯ! Потрясающе!

Допивая ледяной лимонад производства местного ресторана и похрустывая тающей льдинкой в бокале, я с ужасом созерцал эту картину. А затем, не в силах понять суть происходящего, двинулся прочь через живописный молодой парк. Желание свалить от долбаной цивилизации было невероятным. В людей просто хотелось бросаться песком с криком: «Прочь отсюда!»

Мы закинули в какое-то при базарное кафе на зарядку все аккумуляторы от девайсов и отправились на закупки. Тут меня снова ждало разочарование в цивилизации.

Едва, с трудом, в течение часа мы забили три телеги продуктов и выстояли очередь в кассе маркета, как судьба подготовила новые приколы.

Поначалу все шло как бы ничего. И даже забавно: на соседней кассе в очереди стояли явно местные, а они в своем маленьком, только начинающем становиться курортным, городке явно не привыкли к таким закупкам. Для них в порядке вещей купить сто грамм сыра, хлеба да молока по дороге домой. Да и к чему закупаться масштабно, если супермаркета всего 3 на весь город и все они на одной улице?

Мне было весело периферическим зрением наблюдать за тем, как местные из очереди заглядывают в монитор моей кассы, причмокивая: «Девятьсот!.... Тыща двести!...» Мне было и смешно и немного жаль их одновременно. Мне было интересно. Такие суммы у них через кассу единоразово проходили наверное только в новогодние праздники и то в складчину с соседями. Я же, привыкший к столичным изыскам, переживал лишь за то, все ли я купил, что планировал.

Однако, провинциальная неудача все равно меня настигла, на радость соседней очереди. Когда барышня на кассе пробила сканером две из трех, заваленных доверху тележек, внезапно выяснилось, что - упс! - зависли все терминалы, и карточкой мне рассчитаться не удастся. Кэша с собой я столько не имел. Что такое банкомат и где его искать мне не подсказали. В итоге, меня начали бесить все эти «блага цивилизации».

Рассказав кассирше и охране, что я о них думаю (а в мыслях моих они выглядели непристойно сношающими друг друга в грязных позах), я схватил оплаченные сумки и бросив целую корзину провианта, вышел вон. Ленка поспешила за мной. Мы не заметили, как забыли на ручке тележки сумку-холодильник...

Сокрушался я долго, но Лена, будучи барышней мудрой, предоставила мне возможность спустить пар, а затем предложила завершить покупки в другом маркете, а заодно и прогуляться. Не согласиться я уже не имел выбора, тем более, что обнаружил банкомат и обналичил немного денег. До приезда наших оставалась еще пара часов, поэтому мы завершили покупки, заправили привезенные емкости пресной водой на местной мойке машин, а затем то переписывались с домашними, то купили имениннику Вовке-молдаванину спиннер в подарок, то просто празднично пошатались в сени молодых деревьев. Город на глазах благоустраивался и превращался явно в курорт. Это было очевидно. Повсюду стояли пирамиды тротуарной плитки, сустились рабочие, пыхтела техника.

Через некоторое время...приехали наши!

- Фидеееель! - радостно встретил я бородатого Женьку и после взаимных обнимашек все сгруппировались у злочастного маркета. Выяснилось, что шумная компания была еще не затарена по своему желанию, поэтому еще час минимум ушел на их погружение в местные прилавки. Не могу сказать точно, сколько денег в итоге мы оставили в тот вечер в этом магазине, но думаю, что много. Настолько, что нам уже наверняка полагалась скидка. Впрочем, нам было не до этого — мы доверху забили два автомобиля и, кряхтя, поползли на нашу дикую стоянку.

Девчонки по дороге вывалили из машин и шли пешком, то и дело фоткая все вокруг и восторгаясь красотою, а мы с Женькой переваливались по буеракам.

На «парковке» мы уже оказались не только в привычном составе. К нам заехал микроавтобус- «Газель» с семейством из Николаева. Мужичок, пара теток по центру каждая, ребяенок молочного возраста и старый, седой, как столетний еж, пыльный и хрюкающий английский бульдог по имени Митяй.

Заезд наш был шумным. Восторгу прибывших не было предела. Они щелкали камерами телефонов и, несмотря на сгущающиеся сумерки, восторженно перемещались с локации на локацию. Самая козырная площадка была по-прежнему занята беларусами, что делало дробление нашего коллектива однозначным. После беготни по горам, было все-таки принято решение на первую ночь устроить всех на пляже у воды, тем более, что прибывшие были оснащены двумя ведрами маринованного мяса, не терпящего ночевки, а костры жечь выше пляжа было категорически неприемлемо — на 360 градусов все, что выше берега было покрыто сухой августовской травой и могло полыхнуть, как бензин, аж до порта. Девчонки атаковали белорусов намеками, мол, не пора ли им домой, на что те клятвенно заверили, что дезертируют утром. На том и порешили.

К сожалению, утром отъезд планировали и Денис с Таней с их отпрысками. Агриппина прибрала к нашему приезду лагерь, познакомилась со всеми, но осталась с детьми. Хотя старший из молдавских спиногрызов, Славик, все же считал своим долгом повсюду ходить по пятам за нами, как домашний кот, и, надо сказать, эта тактика работала безотказно. Мы постоянно что-то открывали, пробовали, кушали и пили и, разумеется, предлагали ребенку угощаться разрешенным, так что, он хоть и молча и незримо присутствовал за нашими спинами, но всегда был при деле — что-то топтал.

Радмир, средний молдавский спиногрыз, выбрал тактику другую, но менее прогрессивную: он сначала встретил приехавших: «А вы — Жигуны?» На эту осведомленность Женька удивленно ответил: «Ух ты! А ты откуда знаешь?!». Но эта попытка спиногрыза втесаться в доверие осталась в зародыше и не нашла своего развития.

Быстро и слажено, всего за полчаса-час на берегу был организован полностью пригодный для жизни лагерь: палатки выставились в рядок, карематы, спальники заняли свои места, у кромки воды расположилось с полдюжины походных кресел и шезлонгов, в сумерках весело затрещал костер, раскладные и сооруженные из подручных материалов столы, мгновенно преобразились под яствами, привезенными из недр ресторанных. Даже гитара своей участи не избежала и появилась из чехла до первой звезды. Про водочку говорить не приходится. Олег, один из прибывших, взялся за шашлык и справился с его прожаркой на удивление быстро. Мы с Ленчиком, разумеется, присоединились к компании, правда Агриппину оставили в лагере развлекать и укладывать спать весь ее муравейник.

Я изловил во мраке Дениса и пригласил его присоединиться к нам. Татьяна, жена его, с детьми залегла спать на берегу прямо под тентом, но Денис выразил свое согласие. Дядька он превеселый, внешностью своей — ни дать ни взять Егор Крутоголов, комик из популярного «Дизель Шоу». Лысый и харизматичный, с чудесным чувством юмора. Дружбан его где-то запропастился, то ли общаясь с белорусами, то ли еще где, поэтому пришел он один. И вечер заезда начался.

Весело звучали тосты, слова восхищения нашими местами и вообще — всей нашей встречей, истории о подготовке к ней. В перерывах между историями, Жигун хватал гитару и начинались песни — то хором что-то из «Чайфа», то грустное что-то от Журбы и девчонок. В темноте за костром чавкал шашлыком молдавский спиногрыз Славка, борясь со сном, но боясь упустить что-то из меню. В апогее мероприятия Денис изъявил исполнить под наш акомпанимент «Країну мрій”, так как позиционировал себя ее лучшим исполнителем. Мы заказ приняли, с первых нот стало ясно, что Денис не сильно преувеличивал — дал он жару весьма славно, так что и нам не грех было подхватить. И вот уже над морем грохнул хор:

«Хай несе мене ріка... в фантастичномууууууу човні.... в небо несеееене наче уві
сніiiiiiiiii.....»

Это и вправду было как-то фантастически и нереально круто. Даже не сразу как-то отошли.

После такого концерта, под веселое бульканье спиртного, Женька Жигун внезапно перешел в режим стенд-ап шоу и принялся рассказывать истории из давнего КВНовского прошлого. Поскольку многие попросту не сталкивались с теми и даже подобными событиями, им было смешно, а мне вдвойне, потому что героев и декорации Женькиного рассказа я в большинстве знал и картину себе отчетливо представлял, поскольку сам был многократным участником различных КВНовских приключений тех времен. В итоге, от смеха просто лопались животы, настроение лилось через край рюмок, я ухитрился даже вывернуть, в лучших своих традициях, неустойчивую столешницу на землю... Но, в целом, все закончилось просто замечательно и постепенно наш хоровод начал расползаться по палаткам. Где-то в середине первой Ночи Заезда спать, пошатываясь от смеха и спиртного, отправились и мы с Ленчиком, а у костра охранять остатки недопитой водки остались храбрецы — Жигун и Дениска.

В небо выползла растущая белая луна.

ГЛАВА 6. ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Утром загремел чайник и послышались девичьи голоса: нижний лагерь пришел к нам готовить утренний кофе. Я вылез из палатки, а Ленка в берушах пропустила начало нового дня.

Начали осваиваться — впервые при свете дня вчера прибывшие могли оценить все масштабы и преимущества нашего места. Утренний кофе постепенно распространил запах на всех участников заезда, разбудил спящих и поставил на ноги всю нашу компанию. На стоянке замуравылось сразу двенадцать человек.

Белорусы слово сдержали — очевидно, они поняли, что нормально им стоять уже не дадут и так или иначе - выживут. Они собрались и покинули площадку еще до наступления полуденной жары. Поэтому, мы часов с 9 утра стояли в низком старте, готовые незамедлительно захватить территорию. Что и сделали, не успела еще осесть пыль на дороге за бампером белорусского «фольксвагена».

На площадку перенесли палатки и пожитки нижнего лагеря, а с моей стоянки притащили шатер. Под него взгромоздили пирамидой поддоны, которые я нашел на берегу, предусмотрительно принес и хранил у себя на стоянке с первого утра своего пребывания. Поддоны накрыли клеенкой и душевой шторкой, выровняв их заранее камешками. Получился высокий и большой красивый стол, метра полтора на полтора, не меньше. За таким смело могли уже уместиться все присутствующие, включая стадо молдавских спиногрызов.

После таких перемещений и установки нового лагеря не грех было опрокинуть чего-то веселящего. Шатер с банером «Кеглистан» отлично закрывал всех от солнца, и поэтому под ним бурлила активная жизнь.

Народ развлекался, вкушая первый день морского отдыха. Кто-то купался, кто-то дремал под навесом на пляже, кто-то попивал пиво и вино.

Ближе к обеду я вызвался провести экскурсию за мыс на родники и показать всем местную достопримечательность — огромный пустой лагерь со всеми удобствами, спрятанный в лоховой роще. Не подумайте ПЛОХого — лох это всего лишь семейство растений, по виду нечто среднее между облепихой и оливками, с серебристыми листьями и ветвями, густо усыпанными такими же серебряными ягодами. Несмотря на безжалостно палящее солнце, ветерок дул добротный и поэтому все были не прочь прогуляться. Я собрал народ, оставив в лагере Ленку и молдаван, правда Славик по традиции увязался за нами. Остальные мелкие тоже попытались присоединиться, но я резко и категорично всех отшил — нужно было топать по пояс в воде под нависающими и опасными скалами — чужих детей мне еще только не хватало в этом рискованном переходе!

...Через полчаса мы обогнули мыс. Журба чуть не свалилась в волну и едва не утопила электронную книжку. За каким лешим она ее взяла с собой — никто так и не понял. Но дальше все прошло благополучно и мы сделали небольшой привал на пустынном пляже возле холодных, как лед родников. Девчонки выразили желание искупаться, завидев песчаную косу и все последовали за ними. Купались по взрослому: собрались в кружок на глубине по резинки на плавках и деловито обсуждали все подряд, периодически приседая в воду. Нарезвившись таким баттерфляем, отправились к берегу. Жигун тащил Журбу за руку, волоча ее по щиколотку в воде по песчаному дну, при этом живописно описывая, какие анатомические ее части и в каком процентном соотношении нравятся ему больше всего. Немного согревшись, вся делегация отправилась за мной на обещанную экскурсию в пустующий лагерь.

Масштабы тамошнего благоустройства уже второй год поражали и меня, а вновь прибывших и подавно. Мы бродили по тропинкам в тени деревьев, изучая достопримечательности, стоянки скрытые то там, то сям, столы и прочую утварь, построенную постоянными жителями лагеря. Просто их сейчас не было и было не принято

занимать это место. Однако, две девчонки, сбежавшие с «креветочного» от нашего Вовки-спиногрыза, поселились как раз тут, но то ли спали, то ли отсутствовали — мы наткнулись только на их палатку.

Вдоволь нагулявшись по лагерю и ознакомившись с его достопримечательностями, мы вернулись на берег, где пополнили запасы воды в роднике и отправились в обратное путешествие. По дороге показал всем дохлого дельфина. Вообще, у меня была шальная мысль выварить его череп и привезти в качестве трофея, но ввиду иссушенности плоти, обтянувшей его, я отказался от этой затеи. Да и подходящей посуды не нашлось, а варить тухлого дельфина в рабочей посуде желания не было.

В итоге, вместо дельфина, девчонки, консолидировавшись, приготовили семь литров плова с мясом. Ужин устроили поистине королевский — с пловом, салатами, на площадке с шикарными видами. Девчата тем временем намешали старинного туристического напитка - джина с тоником и незаметно предложили Агриппине. Та не отказалась и распробовала. Начались тосты, причмокивания и смакования первых впечатлений. И впервые за все время Агриппина даже начала разговаривать. Она активно поддерживала беседу и даже рассказывала какие-то истории! Воистину, джин творит чудеса!

Дети же налупились плова и носились по пляжу, мы травили байки и подливали. Так и понеслось аж до часу ночи, с гитарой и репертуаром от бардов до «Агаты Кристи» и «Арии». В промежутке между песнями, мы с Жигуном подорвались и занялись ловом креветки на фонарь для завтрашней рыбалки, освоив его практически промышленным масштабом. Ставишь себе «паука» на глубине в пол-метра, вешаешь фонарь, считаешь до десяти и поднимаешь. Три — четыре пригоршни обеспечено. Так мы наловили за полчаса с пол-ведра и крайне довольные вернулись на площадку, где допили-доели и расползлись по норам.

Утро субботы подняло меня до шести утра и, растолкав Женьку, я начал размышлять, на кой черт оно мне все это надо? Зябко и спать хочется. Но, вспомнив, что коллектив и лодка уезжают уже завтра, понял, что креветки не должны были отдавать свою жизнь зря. Жигун, зевая и потягиваясь, тоже полез в машину за инвентарем.

Тут я обнаружил, что в бампер моего вольвешника упирается «фолькс» Сыроежкина, а сам он храпит на заднем сиденье. Когда он приехал — мы не слышали, а в палатку он не полез, очевидно, чтобы не будить свой выводок.

Тем временем, Евгений подозвал меня для выгрузки лодки. Та была хоть и резиновой, но весила почти центнер, и занимала практически весь багажник. Лодка была Вовкина, нашего друга, ушедшего от нас два года назад по причине тяжелой болезни, и с тех пор лодку никто и не трогал. Теперь предстояло ее оживить и собрать.

Мы разбудили Олега, втроем кое-как ухватили ее и выперли на берег. Там, не без мучений, из пазлов сложили днище, но в итоге все-таки неправильно. Увы, на эксперименты и конструктор времени у нас не было — солнце поднималось все выше, а рыбалка в этих местах эффективна максимум до десяти утра.

Пока Женька накачивал с помощью ножной помпы лодку, мы с Олегом испили кофе, подготовили снаряжение и где-то в начале восьмого втроем вышли в открытое море.

Не знаю, как Жигун, но Олег, по его словам, делал это впервые. У меня был уже немалый опыт по морской рыбалке, но «за старшего» я никогда не ходил по морю, а тут понимал, что знаю акваторию лучше остальных и от меня, в большей части, зависит сегодняшний улов.

Однозначно повезло — удалось заякориться буквально с первого заброса якоря. Дело в том, что акватория сплошь песчаная, но разделена продольными каменными грядами, тянущимися параллельно берегу на различном расстоянии от него.

Мне доводилось рыбачить и милях в трех, а умные рыбаки оставляют плавать бутылку с привязанным грузом, в местах, где якорю есть за что зацепиться. Вот только мы выходили первый раз и искать гряды следовало наощупь. Но новичкам везет. Не зацепись мы с первого раза, могли бы маслать веслами или носиться по течению и воле волн час или более, прежде, чем якорь найдет зацеп.

Погодка благоволила и мы засели за активную рыбалку. У каждого было по длинному «пруту» с качественными катушками и по два крючка на каждом. Так, в шесть креветосов мы приготовились к марш-броску. Жигун, надо отдать должное, снимал все происходящее на видео и фото, на экшн-камеру, поэтому процесс рыбалки одновременно превратился в съемки очередной серии «Трое в лодки, не считая».

И, надо сказать, парни пришли к успеху! Один за другим, а нередко и по два одновременно, так сказать — дуплетом, из морских глубин стали выниматься суровые быканы. Насвистывая под нос финскую полечку, аки гимн сегодняшнего утра, мы едва успевали перезабрасывать. Бычки были славные, почти все средних или крупных размеров. Буквально за час их было уже десятка два.

В какой-то момент я почувствовал достаточно странную поклевку и принялся выматывать катушку. Там, на двадцатиметровой глубине сидело что-то странное, я, грешным делом, решил, уже не скат ли цепанул. В эти местах они были не редки, случалось вытаскивали экземпляры по 10 кг весом. Но по ощущениям, это было что-то более легкое, но не бычок.

Сообщил спутникам, о том, что «тяну что-то непонятное». Женька ухватился за камеру и все стали всматриваться в то место, где леска исчезала под бутылочной зеленью воды. Несколько секунд напряженного ожидания и...над водой повис здоровенный краб! Этот мерзавец вовсе и не на креветку позарился, а просто, видимо, проходил мимо и зацепился сложно-чешуйчатым пузом за лежащий на дне крючок. Так, за пузо я его и вытащил со дна.

Краба торжественно определили гулять по лодке.

Дальше рыбалка шла как по накатанной. Заброс — рыба. Попалось несколько зеленух, которых Жигун со знанием дела забраковал по причине несъедобности и мы их отпустили. Но к десяти утра, как и ожидалось, все внезапно прекратилось и наступило затишье. Пора было сниматься с якоря.

Немного поковырявшись, справились и снялись. До берега маслать было мили две, ветром и течением изрядно сносило, поэтому дали крюк и возвращались, прячась за отвесным обрывом от порывов ветра. Ничего экстремального, но нужно было еще осваивать этот вид навигации. Весьма довольные и с уловом в полсотни вполне приличных бычков и одного краба, мы возвращались в лагерь.

А там уже царила жизнь. Девчонки проснулись, по берегу бродил Сыроежкин со спиногрызами, все ждали суровых рыбаков к завтраку.

Выходили мы из лодки, как викинги после годичного плавания: суровые, обветренные, пропитанные рыбой, солью и значимостью. Как пираты в Порт-Рояле.

Сухопутный Сыроежкин даже отошел в сторону, чтобы не мешать высадке десанта. Мы же вытащили лодку повыше от волн, выстроились в рядок и со знанием дела принялись отливать — утренний кофе мы привезли на родные берега.

Затем начался процесс восхваления нас, всяческие ублажения, кормление завтраком и многие другие приятные действия. Журба вызвалась чистить рыбу и уселась под деревом с тазиком, ножиком и разделочной доской. Мы же перешли на пиво и приступили к рассказам о нашем сложном путешествии, приукрашая его наперебой всякими подробностями, из скромности опустив разве что схватку с Кракеном. История производила впечатление, мы купались в лучах славы, а Журба в рыбьих кишках.

Чуть позже я замутил жарку рыбы, под пивцо нажарив полный котел. Маня делала залякшей во время чистки Журбе массаж шеи, остальные употребляли кто что. Зажаренные бычки пошли вообще на «ура».

Все наелись, и разбредлись — кто купаться, кто спать, кто еще бог весть что.

Сыроежкин привез нам гостинец от Валерчика из Молдовы. Тот передал 5л сухого красного. Кислого, что твоя клюква, но если разбавлять на треть водой, то вполне пригодного. Затем собрал свое семейство и погнал с ними в город, развлекать табор.

Часам к четырем пополудни пришло и нам время отправлять Машу — у нее был билет на поезд. А до поезда — почти пятьдесят километров. Мы стали собираться — Маня, Женька, я и моя Ленка. Решили съездить за компанию, посмотреть на людей, прикупить разных «шняжек» и «ништяков».

По дороге я изыскал возможность зарядить в местной пиццерии свою дешевую, но боевую «Нокию» (смартфон, вдобавок к тому что уже глючил от старости, еще и садился ежечасно и я предпочел его отключить совсем).

Ленка сбегала в маркет и, поговорив с охраной, выяснила, где находится утерянная несколькими днями назад наша сумка. Она дожидалась нас в комнате у охраны, так что мы вернули себе свое и как бы все шло без потерь.

Мане было грустно уезжать, но в процессе поездки мы разошлись и уже хохотали безудержно всю дорогу. Вдобавок, наш GPS заблудился, а с ним и мы. Сделав пару бестолковых петель и расспрашивая прохожих, мы решили припарковаться. Жигун перезапустил в девайсе поиск маршрута, но GPS в ужасе спросил у него: «ГДЕ Я?!» И тут же предложил: «ХОТИТЕ ВЫЙТИ?»

Все это не внушало надежды найти вокзал, а Мане — добраться домой. Но людям, наловившим утром столько рыбы в открытом море, несложно найти путь даже по звездам. Мы консолидировались, собрали остатки логики и провертев еще пару петель по городу, вокзал все же, обнаружили.

Там сбросили Маню, расцеловав ее в нос, и легли на обратный курс. Предстояло заняться затаркой, нужно было забрать телефон с зарядки, потом еще штурмануть нашу гору с обрывом, а уже смеркалось и довольно сурово.

Закупившись, я сбегал в пиццерию за трубой, но выяснилось, что по непонятной причине она вообще не зарядилась, и, значит, я остался без связи. Это озадачивало, но особо думать было некогда. Ломанулись в лагерь.

По дороге обсуждали перспективу возвращения Жигуна через недельку, приезд Перетокиных и Женжиков. Последних решено было набрать для принятия решения — забирать ли Жигуну лодку назад или оставить ее мне, а заберут они. В мою машину лодка не влазила точно.

Внезапно, во время разговора выяснилось, что Женжики планируют приехать не то чтобы не одни, а прихватив с собой какого-то друга-дайвера, детей (!!!) и что уже совсем никуда не влазило — какую-то Баранову, сомнительную в общении барышню-стоматолога, которую мы и видели-то всего раз в жизни и которая оставила не самый приятный осадок. Баранову, да еще и с какими-то ее ДЕТЬМИ! КАРАУЛ!!! Учитывая то, что у нас и так «повна хата пармалата», менять молдавских цыган на своих я ну никак не хотел: я на отдыхе или где?! Да, верно — я приглашал Женжиков, было дело. Но я так устроен, что обсуждая с кем-то какие-то совместные движения, всегда подразумеваю только участников разговора, а не все их семьи, друзей, родственников или даже животных.

Более того — на вкус и цвет все фломастеры разные. Может кому-то и не нравится такое видение мира, но я — не очень люблю детей. Ну вот не люблю — и что вы мне сделаете? Да, я только за то, чтобы у вас их было много или даже больше, чем вы пожелаете, пусть они растут здоровенькие и на радость родителям. Пусть шумят, какают, ломают все и целуют вас в щечку на ночь. Пусть все это будет!!! Но — у вас. Дома, на вашей территории, в парке, где-то в ваших путешествиях и на ваших фотографиях. Где угодно, но — пусть это будет у вас, а мне, спасибо, уже достаточно. Конечно, меня можно за такой подход осуждать до бесконечности, но если у вас есть право рожать и воспитывать, то у меня — этого не делать. Так что, уважая чужие права и мнения, я обычно требую от других такого же уважения к моему, и вношу ясность, что не стоит тратить время и задавать мне глупый вопрос: «Как же так? Не говори глупости! Так не бывает». Бывает. Просто — вот так. И об этом можно попросту не говорить, и тогда разногласий не будет вообще.

Единственная просьба: не стоит мне навязывать какие-то якобы общепринятые нормы и мораль. Я в них не вписываюсь, нравится это кому-то или нет.

Однажды один мой приятель высказал такое же мнение со своей стороны, но сделал это неправильно, за что и отгреб. Я же стараюсь попросту не пропагандировать свои взгляды, а просто дозировать попадание мелких микроорганизмов в мой ареал обитания. Кроме детей, под такую же категорию попадают те, кто не вписывается в круг моего общения или интересов по тем или иным признакам. Впрочем, знают они об этом или нет — не столь важно, я с ними просто не пересекаюсь, отстраняюсь — и... вот и все.

Так вот.

Поэтому, приглашая Женжиков — я приглашал Женжиков. Пару молодых веселых Женжиков и не более того. Поскольку их детей я мельком видел всего раз и они произвели унылое впечатление своим нытьем, я вычеркнул их из потенциальных гостей сразу и навсегда. И, естественно, приглашая их родителей, даже не вспомнил об их существовании.

И вот, преисполненный такого негодования от беспардонности гостей, я в жигуновский телефон все это честно и открыто высказал Женжику. То есть — хотите - милости просим, но только вас и никого больше. Наверное, сказало еще и это молдавское цыганство у нас на стоянке, но, пардон - место мое, отпуск у меня раз в году, я имею полное право провести его так, как мне вздумается, и не терпеть то, что мне не нравится. Ленка моя, конечно, не против детей, но тоже не в такой ситуации. А тут еще какие-то Барановы и барановские дети... Кто все эти люди?! Что за нах?!

Немудрено, что в лагерь по темноте через косогоры мы вернулись накрученные, как пружины. Женжик сообщил уже по телефону Жигуну, что они не приедут, а поедут в другое место. Затем перезвонил Перетокин и спросил, желаю ли я видеть их. К ним у меня не было ни малейших претензий, притом вот как раз их малая ну совершенно не подходила в разряд нежеланных детей, а Яшка так и вовсе был взрослым парнем, и, если бы они приехали, то все было бы абсолютно нормально. Искренне.

Пока я приходил в себя от взвинтивших меня новостей, взгляд мой зацепил большой баул, лежащий на крыше молдаванского «фольксвагена». Поначалу я не понял что это и зачем, но зайдя в лагерь, обнаружил лишь пустую поляну на месте их палатки. Сыроежкин, Агриппина и весь табор — уезжали! В ночь! Странные люди. Сыроега подошел ко мне и стрельнул сигарету, а потом проделал эту же манипуляцию с Олегом. Я до сих пор так и не понял — ладно, что он из Молдовы приехал и не привез детям ничего, даже хлеба, только нам баклажку с валерчиковским вином. Он еще ухитрился не сообщить Агриппине, что он уже здесь, она волновалась пол-утра и только услышав знакомый кашель на парковке, отправила туда детей, проверить, не папа ли приехал. А теперь, проведя весь день в городе с детьми и женой, он шкуляет сигареты, словно не мог их купить там? Дичь какая-то... Кто их, молдаван поймет, хрен его знает...

Однако, все равно, их отъезд был столь неожиданным, как и встретить их тут в первый день. Но, очевидно, они сделали свои выводы. Мы не стали им мешать, немного пожалели Агриппину, попрощались и отправили в горизонт. Ситуация явно менялась к лучшему. На всем берегу оставался только наш коллектив и «газель» с николаевскими и хрюкающим бульдогом Митяем. Они нам вообще никак не мешали, жили на «парковке» прямо под своим бусом и поэтому в воздухе витал страшный дух праздника.

Вооружившись фонарем, сетью и воспоминаниями об утреннем улове, мы с мужиками втроем ломанулись за свежей креветкой. Несмотря на то, что всему коллективу завтра предстояло покидать нас с Ленкой, решено было повторить утренний заплыв ввиду такого сегодняшнего рыбацкого успеха, ну и, заодно, еще раз выгулять лодку — все-таки перли ее за полтыщи километров не ради ж одного выхода! Нужно было закрепить материал!

Креветка шла шикардосно. Как и вчера — ведром. Благо, море не штормило, что давало возможность ловить ее, почти не замочив трусов. Наловили с полведра, чтобы девочкам хватило поплеваться тоже, да и завалились довольные спать.

ГЛАВА 7. ГРУСТНО.

Встали в пять. Не выспавшееся солнце, зевая, цеплялось за горизонт, не в силах подтянуться, чтобы вылезти из-за края. Вдобавок, поднялся какой-то странный, пронизывающий ветер, подняв нехорошую волну. Мы оценили наши шансы, как пятьдесят на пятьдесят, но решили не отступать.

Загрузились и вышли в море.

На веслах на банке был я, Жигун восседал на юте, а Олег, будучи полегче, расположился на баке. Нас нещадно болтало и неудержимо несло к горизонту. Женька что-то снимал на камеру, а я ясно представлял себе, как турецкие моряки находят в море пустую лодку с этими записями.

Мы отошли на милю, не меньше, и попробовали бросить якорь. Но он лишь пробороzdил дно, как тупой плуг землю в заморозки. Вытравив его, решили попробовать уйти дальше, в поисках гряды. Одиноких рыбаков тоже болтало вдоль берега на разном расстоянии от него и друг от друга. Было подозрение, что не мы одни попали в такую нескладуху. Но все же, на море наблюдалось около десятка лодок с явно местными, что вселяло надежду на удачную рыбалку и уверенность, что ничего страшного в этом шторме пока нет.

Как, впрочем, нет и камней на дне, за которые можно зацепиться. Нас снесло уже вполне прилично — перспектива возвращаться была уже сама по себе суровой, а ведь нас могло выбросить за косу, где уже начиналось совсем открытое море. С течениями, ветрами, пиратами и Кракеном. Мы стали бросать якорь чаще, а грести — интенсивнее. Через некоторое время я принял решение повернуть к берегу. Пусть без рыбы, но вернуться все же стоило. Перспектива быть вынесенными течением, а затем болтаться в море дней десять под палящим солнцем и пить мочу Жигуна, чтобы выжить - меня не впечатляла.

Не скажу, что именно эти мысли витали в тот момент в моей голове, но все-таки, едва мы подошли к берегу на расстояние в полмили — якорь зацепился. Для верности мы еще немного посмыкали за трал, а потом, удовлетворенно принялись разматывать снасти. Лодку качало, вокруг нас группировалась еще пара-тройка флибустьеров, носились ниточки бакланов, но нас волновала только рыба.

Едва снасти размотали — бычок пошел. Он был вполне приличный, и, хотя времени на парковку у нас ушло больше часа — впереди еще было его предостаточно. Наш клев и удачные возгласы после каждой рыбины стали раздражать рыбаков поблизости и они начали передислокацию. Так мы более-менее монополизировали координаты в заданном квадрате и уже в спокойном тройственном одиночестве наловили свои законные три десятка быканов. А затем — как отрезало. Рыбалка сошла на нет, ветер крепчал — решено было возвращаться.

Я подустал, масляя час по штормовым волнам, поэтому на галеры был отправлен Олег, а я возымел возможность усесться на баке и первый раз как следует рассмотреть обрывы берегов. Места нас окружали, конечно не самые дикие и живописные, в коих мне приходилось бывать, зато вполне незаселенные и в меру красивые. Так что сетовать не приходилось.

По возвращении нас ждал красивый завтрак в тенёчке, на большой сковородке девочки нам намудрили вкусняшек и мы снова были их героями.

Но всему приходит конец.

Друзья стали собираться, не спеша. Я помогал отмывать, сушить и упаковывать лодку. Процесс сбора проходил шумно и весело, но сквозь веселье проскакивали нотки

грусти — одним не сильно-то и хотелось уезжать, нам с Ленкой не сильно-то хотелось оставаться вдвоем, но еще больше не хотелось, чтобы уезжали наши. Просто коллектив получился душевный и вполне себе «свой», и только-только, как говорится «пошло»: не просто там какие-то песни и пьянки, а настроился отдых, рыбалка, наладились все процессы и приспособы и тут на тебе...палатки разбираются, все раскручивается, развинчивается, прячется.... Грустно в общем. Грустно — и жарко.

В процессе сбора Журбень с Ленкой начистили, а Бася пожарила утренний улов и мы его поглощали. Жигун с утра еще бахнул маленько пивка, но в дорогу уже не употреблял ничего крепче арбуза.

Где-то к полудню вдруг подъехал Паша Жарков с семейством. Они сняли квартиру в Южном, потому что прибыли с ребенком. Но к нам приехали отдохнуть днем, так, чтобы в нормальном месте, а не на этом лежбище сивучей в Южном. Паша, собственно, был первооткрывателем этого места, именно он нам его и показал. Немного пообщались и он отправился на «креветочный». Там расположился со своими, а мы вернулись к прощальным процессам.

Ближе к часу дня Жигуны и Басецкие после долгих проводов распрощались с нами и взяли курс на Киев. Мы с Ленкой проводили их, сняв процесс проезда обрыва на видео, в последний раз пообнимались с Фиделем и, когда за их кормой осела глиняная пыль, пошкрябали под палящим солнцем в лагерь. Там, под тентом у своей «Газели» на парковке дремали николаевские, вдалеке был виден Паша на креветочном, а больше никого и не было, сколько головой ни крути.

Мы от грусти че-то там накатили вдвоем и Ленка решила немного подремать. Мне же покоя не давало безделье, да и Паша грозился на обратной дороге заглянуть, так что я принялся за уборку лагеря. Ну, кто знает меня — тот знает, как я убираю. Даже в лесу. Поэтому, через час на стоянке стало, как в лучшей версальской гостиной.

Я окинул чистоту и абсолютный порядок взглядом перфекциониста, удовлетворенно вскрыл бутылочку пива «в стекле» из погреба (стеклянные бутылки в погребе охлаждались просто прекрасно, даже в самую сильную жару) и расположился в кресле пописать дневничок.

Ревизия, проведенная в процессе уборки, показывала, что после всего, что оставили нам уехавшие, и вообще, сложив все, что у нас было, вдвоем на стоянке мы спокойно могли продержаться, не выезжая, до двух недель. При этом еще и с «ништяками и шняжками». «Шняжки и ништяки» — это, для тех, кто не знаком с терминологией, всевозможные сухарики, чипсоиды, сушеные рыбки и прочее. Таранки оставалось штук пять рыбин, арбузы в холодильнике... да и вообще, всего завались. А напитков и спиртного, с учетом привезенного Сыроежкиным вина — хоть залейся! На удивление, запасов пресной воды тоже, как питьевой, так и технической. Аж противно — ничего не надо.

В лагере стоял зной и идеальная тишина.

Чуть погодя с пляжа, весь обгоревший, подтянулся Паша с семейством. Тем временем, Ленка уже проснулась и мы с ней поставили на площадке вторую (запасную) палатку — отчасти для того же Паши, если бы они захотели заночевать, отчасти — просто для «массовости», показать, что мы тут не одни, да и вообще, отбить охоту у посторонних поглядывать на свободное пространство возле нас.

Внизу, на пляже, так и был растянут оставленный еще Денисом навес на палках, под которым все время отдыхали то наши, то николаевские. В целом, картинка не была пугающей — создавалось впечатление, что нас и вправду тут много, даром что две машины всего.

Пообщались с Пашкой. Он, в принципе, был не против идеи остаться как-то на ночь поплавать, поохотиться, да и вообще, выпить — а то ведь все время за рулем. Но в этот вечер еще уезжал — вещи, квартира, все такое... Выезжая, при развороте он на своей низкой машине лихо сел на брюхо и пришлось его выталкивать, привлекая даже николаевских женщин. Паша, правда, то ли на радостях, то ли с перепугу ухитрился «сесть»

еще раз, но и из второй ловушки мы его снова вытолкали и, нагрузив пустыми баклажками, чтобы привез воды, отправили домой.

Сразу стало тихо.

Мы с Ленчиком засели на площадке, созерцая навигацию на горизонте и все вот эти вот вечерне прелести, не спеша попивая пивцо, переваривая пережитые впечатления, строя планы на ближайшие дни. Настроение стало умиротворенным. На поляну притопал еж. Он порылся в опустевшем мусорнике, вышел на вычищенное пространство, где я его изловил и упаковал в Ленкину шляпу. Что с ним делать мы не придумали, поэтому ограничились ощупыванием носа, фотографиями и отпустили с Богом. Еж засеменял в сторону туалетной тропы, мелькая смешными пятками в луче фонарика, а мы под стрекот сверчков, завалились спать около 22.00, весьма утомившись от богатого на события дня.

Но секс здесь все равно прекрасен.)

ГЛАВА 8. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ СОБЫТИЙ.

Погода с утра была просто отличной! Хотя николаевские настороженно предупредили о плохом прогнозе. Глядя на море и небо в плохое совершенно не верилось.

Едва мы позавтракали, как приехали Паша с Олей и ее дочкой Лесей. Прячась от солнца, затусили у нас. К тому же, в закромах было в наличие вполне себе прохладное пиво из погреба и свежесваренные креветосики. Жарко.

Ребята купались, а мы разве что просто ходили окунуться да и все — на пляже душно, а у нас в холодке - самый цимес. Но, все-таки мы с Пашкой при помощи девчонок на матрасе разнырялись и собрали полный 15-литровый казан мидий. К обеду, под различные напитки и истории мы как раз засели их чистить, открывать и готовить, на что ушло довольно много времени. Параллельно Ленка забульбенила отменное рагу (рагу вообще в этом сезоне было чрезвычайно популярно. Овощи поглощались килограммами, что, в принципе, и неплохо). Но мидий решено было не портить гарнирами и мы нажарили их полную с горой сковородку с луком. Умяли всю, наевшись от пуза. Так, незаметно, за разговорами и делами кулинарными день и пролетел. И когда сумерки уже прилично сгустились, ребята отбыли в город, оставив у нас матрас, горелку с газовым баллоном, и кучу принадлежностей, чтобы не таскаться туда-сюда.

И тут небо стало затягиваться в соответствии с прогнозом.

Николаевские по-прежнему в «газели» стояли наверху, Митяй все хрюкал по стоянкам, но мы с Ленкой по-прежнему чувствовали себя одинокими робинзонами на километры вокруг.

Поэтому вальяжно развалились в креслах на площадке и просидели с вином почти до полуночи. На рейде стояло десятка два кораблей, но при этом мы стали свидетелями вечерней регаты, превращающейся в ночную. За яхтами было интересно наблюдать, их огоньки устремлялись куда-то вдаль от берегов большого города, исчезая кто ближе, кто дальше, но внезапно все они стали возвращаться обратно. Причина, надо полагать, крылась в штормовом предупреждении — смахивало на это. Погода резко стала портиться. Мы «на полном серьезе» осмотрели наш лагерь, но поняли, что дождь ничему не угрожает и, если уж накроет, то разве что, все и сразу глиняной горой сверху.

И настороженно залегли.

Сны здесь, конечно — просто Голливуд! Целые фильмы! То ли моча в голову бьет, то ли воздух благоприятный, но просыпаться утром — все равно что выйти из кинотеатра после офигенного триллера! Запомнить ничего толком не удастся, так, обрывки, но если в первые минуты после пробуждения начать записывать, то можно не хило заработать на сценариях.

Утро, однако, было далеко не калифорнийским. Все затянуло еще с ночи, а с пяти до полдесятого утра моросил унылый дождь. Он монотонно барабанил по палатке, напоминая, что всяко может случиться — к примеру, может и палатка протечь, и гора рухнуть и глину по всей поляне развозюкать.

Но что приятно — пошел сгон. Северный ветер с горы, уложивший шторм на лопатки. Все корабли, как один, развернулись носом по ветру, то есть к нам. Море ушло — реально на метров шесть, обнажив густые зеленые водоросли и валуны, стали видны все песчаные отмели и входы в воду между камней, а если подняться над лагерем — на сто восемьдесят градусов под пасмурным небом лежала кристально чистая водная гладь, сквозь которую, как на Мальдивах, просвечивалось дно и было видно все участки подводной охоты — три гряды, расположенные одна за другой с интервалом в пятьдесят метров. Между ними шли широкие полосы песка, на котором, как правило, водились только рыба-язык да одинокие камбалы. Сами же гряды, густо поросшие мидиями, скрывали в себе рапанов, кефалин, бычков, крабов и бог весть еще какие тайны. С одной из таких тайн в этом году мне пришлось столкнуться лицом к лицу, и она могла стоить жизни не только мне. Но об этом я расскажу несколько позже.

А пока я, вскарабкавшись на гору над стоянкой и, стоя под моросющим дождем, разглядывал под пасмурным небом необычную для августа ноябрьскую морскую картину. Картина была унылая. И бесперспективная. Нужно было будить Ленку. Одному было печально и скучно.

Ветер, тем временем, стал ледяным и пронизывающим, и одна только крыша шатра уже не спасала. Пришлось притащить и повесить три стенки, тщательно их закрепив. Четвертая стена выходила на море и теперь можно было просто сидеть в шатре и любоваться мокнущими на рейде сухогрузами. Море стало ровным как зеркало, но оттого и неинтересным.

Пришел Митяй, усадил седую задницу на краю обрыва и печально задумался, глядя вдаль. Он прямо-таки весь олицетворял собой беспощадную собачью старость, и в мутных его глазах в тон настроению и погоде читалась та самая безысходность, когда ты уже понимаешь, что возможно, смотришь на горизонт в последний год своей жизни. И следующее лето, как и последующие, ты скорее всего, уже проведешь совсем не здесь.

Небо затянуло вхлам. Митяй хрюкал под ногами, сверху подтекало, отчего в голове созрела эдакая рифма: «Сверху моросит, снизу — поросит».

Ленка, закутавшись в куртку с капюшоном и прочие теплые вещи, подсобрала на стол завтрак из сосычей, яичницы, каких-то салатов и мы уселись над нарезающим вокруг круга Митяем, завтракать. Цитируя фильм ДМБ, можно охарактеризовать ситуацию так, что «после непродолжительного чаепития и пивко с ништяками своей участи не избежали». В десять утра я приступил именно к ним, потому что делать было совершенно нечего. Вчера я все убрал, а в дождь никакие приключения, кроме пьянки и сна в голову на диком берегу не приходят. В коллективе можно было бы конечно пошпилить в карты, чего я в принципе не люблю, но иногда себе позволяю. Или попросту забухать и орать песни.. Но когда вы вдвоем, выпались, и сидите как сычи, под шатром - ни карты, ни водка в десять утра как-то не греют.

Николаевские подсказали нужный сайт, местный, погодный. И мы, с ленкиного телефона периодически вылавливая Интернет, принялись отслеживать погоду в радиусе ста километров. Увы — никаких изменений ни сегодня, ни даже завтра (о Боги!) не предвиделось. Зато обнаружилась новая забава — бросаться фотками в вайбер, дразня на

работе Жигуна и других. И получать ответки.

Паша с Олей, совершенно ожидаемо и резонно — не приехали. Николаевские озадачили нас тем, что решили сниматься. По их заверениям, погода обещала затянуться в такой формат аж до конца недели, а сегодня был всего лишь вторник. Мокнуть они не хотели, а хотели вернуться в сентябре.

Нам, по большому счету, было все равно — дружбу мы с ними не водили, так, здоровались. Жили они вне поля зрения, бесшумно, и если бы не Митяй, то их присутствие было бы вовсе незаметным. Однако, так было бы в другое время, но не сегодня. Потому что, получалось, что теперь мы с Ленчиком остаемся абсолютно вдвоем, под дождем и ветром, ближайшие люди — в километрах полутора от нас и даже не в зоне видимости. Дорога размыта — ни нам не выехать, ни другим сюда въехать, было даже стремно, как николаевские собираются «газелью» штурмовать обрыв. Впрочем, они подумали о том же и засуетились. К шести вечера они слили нам из бидонов всю пресную воду и заскирдовались в бус. Погудев на прощание, «газель» растворилась за бугром. Некоторое время еще был слышен гул двигателя, натяжно штурмующего неровности и косогоры, а затем стих и он. Полный штиль на море да монотонный ветер без порывов делали тишину неподдельно осязаемой. Я попытался разглядеть с горы, нет ли машин, там где они виднелись ранее — на далеком пляже, но, похоже, погода распугала всех и мы и вправду остались робинзонить. С другой стороны, это также снимало беспокойство — я знал, что в такую погоду ни празднично-шатающиеся, ни даже туристы и рыбаки сюда не сунутся, а значит, ждать непрошенных гостей или каких-то серьезных неприятностей вряд ли стоит. Поэтому продолжал посербывать пиво, ведя какие-то непринужденные беседы с моей Пятницей.

После очередной подзарядки смартфона, который от скуки сегодня мы эксплуатировали нещадно, внезапно выяснилась одна неприятная деталь. Аккумулятор в машине сел. В общем-то, ожидаемо — я дней семь-восемь даже не заводил машину, не то чтобы выезжать. А телефоны попеременно мы заряжали по разу, а то и два в день. Так что удивительного в том не было ничего, а вот как выходить из положения — следовало подумать. Нет, машина как таковая нам была не нужна — провизии и воды у нас было на неделю, если не две, а в такую погоду только жизненно важная ситуация заставила бы меня по глине проехать опасный участок. Тем не менее, та же причина не позволит сюда попасть другим потенциальным «прикуривателям», и, если дело пойдет так, то придется снимать аккумулятор и переть его на горбу куда-то.... Но, дело это было далеко не первостепенной важности. Смартфон Ленки решено было зарядить до полной зарядки, пока еще хоть какие-то флюиды аккумулятор издавал и сутки как минимум решено было продержаться без Интернета, а там видно будет.

«Нокия» моя была на тесте у Паши, и не факт что она могла заработать, а мой смартфон, в отличие от Ленкиного глючил, как старый Митяй, и толку от его зарядки было меньше, чем от морзянки фонариком.

Мы приготовили ужин из гречки с мясом и уселись в сумерках под шатер, сняв ненужные уже стенки. И тут, я обнаружил краем глаза, что у Ленки из-под стула прямо между тапочек под стол продефилировало какое-то существо черного цвета с огромным лысым хвостом. Крыса такого размера для меня была недопустима, иных животных такого размера я припоминал лишь по юности, когда мы с отцом разводили нутрий. Но нутрия ЗДЕСЬ была тоже невозможна!

Я только приоткрыл было рот, чтобы осторожно сообщить Ленке о таинственном госте, как она вскрикнула: «Крыса!!!» и ее ноги взметнулись над столешницей. Существо прыгнуло в кусты с обрыва, не дав себя рассмотреть.

Следующие полчаса мы в притоке адреналина обсуждали, что это могло быть, а тем временем Ленка увидела его снова в трех метрах от нас — дрянь бегала в сумерках изучать пустую палатку на плато. Я метнулся в ту же сторону, но никого не успел заметить.

Пришлось идти за фонарем. Но и он ничем не помог.

Получить укус крысы в наших условиях или, скажем инфекцию в продукты не было никакого желания, а такое наглое соседство и вовсе делало наше пребывание стремным. Крысе ничего не стоило влезть в палатку, к примеру... Там тепло и сухо. В общем, все это,

конечно, прекрасно, но самым важным для меня моментом был тот, что я так и не разглядел существа и не мог наверняка утверждать, что это вообще — крыса.

Преисполненный тревоги, я стал готовиться ко сну и в последнюю минуту, унося стул в одной руке и держа фонарь в другой — я увидел движение на тропе, спускающейся с парковки к лагерю. Я посветил фонарем туда.

Прямо посреди тропы, не прячась, неподвижно сидела крыса, абсолютно черного цвета размером с маленького щенка. Таких крыс я, сын двух биологов, человек вырастивший не одну крысу дома — еще не видел. Мы смотрели друг на друга больше минуты. Я разглядывал черные бусины глаз, хвост, в общем — я убедился что это крыса, и, слава Богу — теперь я знал своего противника в лицо.

Крыса повернула с тропы и, семена не спеша, ретировалась в расщелины между валунами.

Я пошел к палатке. Но она и там, оказалось, освоилась: просто нагло перебежала поляну по диаметру. Как биссектриса из угла.

Пришлось лезть за пистолетом. Пистолет у меня пневматический, стреляет металлическими шариками, но пивную банку с пяти-шести метров пробивает навывлет. Заряди, по крайней мере, в задницу этому грызуну с такого расстояния — и вряд ли он захочет еще раз бегать тут, как у себя дома. Впрочем, следовало признать и тот факт, что крыса-таки была дома у себя, а в гостях мы. Но до таких благородных мыслей мне было еще далеко, а на тот момент у меня ничего кроме пистолета, охотничьего инстинкта и подводного фонаря не было. Следовало защитить мою поляну, жену и дошираки.

Не знаю, сколько ума у крысы, но его ей вполне хватило, чтобы в тот вечер больше мне глазки не строить. Я, как сайгак, прыгал по камням, таился в засадах, прислушивался и принюхивался, но крыса больше ничем себя не выдавала. Ленке мои охотничьи ужимки радости не доставляли, она устала наблюдать за охотой и пошла спать. Я еще с полчаса покружил вокруг палатки с пистолетом и фонарем, а затем решил, что и с меня довольно. Стоило оставить охоту на следующий день — развлечений здесь, сами понимаете, было не слишком много.

Убедив себя, что крысу я достаточно погонял, продемонстрировав истинно-доминантного альфа-самца и с чувством вполне себе выполненного долга я полез в палатку. Ленка воткнула в уши беруши, чтобы наше противостояние не мешало ей спать. Я осветил палатку фонарем, проверил тщательно, не скрутилась ли крыса клубочком где-нибудь в спальнике или моих футболках и после этого, поставив пиштоль на предохранитель, настороженно улегся. Еще с полчаса я прислушивался к ночным шорохам, но затем провалился в очередной голливудский трешак.

...Ночь была беспокойной. Я периодически подрывался, повсюду слышались громкие шорохи и звуки жизни. Мыши грызли найденную «мивину», несмотря на то, что ввиду появления крысы, продукты мы почти все спрятали. Мышиная возня приобрела вполне циклический характер: я слышал, как мышь прибежала, шуршала пакетами и убегала. Затем возвращалась. И снова убегала. За час беспокойного ворочания я почти просчитал алгоритм ее перемещений и сделал вывод, что она просто таскает к себе домой столько еды, сколько может унести за раз, но жадность не позволяет бросить оставшееся.

Ночные шорохи, усиленные тишиной поляны рисовали перед глазами образы гигантских крыс и других ночных хищников. Сон напрочь улетел, когда разум, раздраженный такими картинками напомнил, что мы и вовсе тут одни на километры. С одной стороны, можно было смастерить себе что-нибудь наподобие ленкиных беруш и безмятежно провалиться в сон, послав к чертям все видения, но опасение быть застигнутыми врасплох или, что еще хуже — обворованными в собственном лагере, вынуждали нести вахту. К утру еще и знатно похолодало, я пытался втиснуться к Ленке под бок, натягивая на себя спальник, но все равно уснуть не мог.

Ночь так и прошла в томительном ожидании утра и периодических провалах сознания в бездну.

Зато утро оказалось куда более дружелюбным. Едва рассвело, я, скрепя всеми сочленениями, выполз из палатки и обнаружил весьма приятную картину: рассветное солнце озаряло полностью очистившееся небо, на котором не было ни единой тучки, и даже несмотря на утреннюю прохладу, ласково пригревало.

Завтракали на террасе, отогреваясь. Я почитывал книженцию и пописывал дневничок. Вдруг послышались шаги и под площадкой на берегу появилась троица. Лысеющий поджарый спортивно подтянутый мужичок, с ним аппетитно-спортивная барышня, отстающая от него по возрасту лет на пять-семь и пацанчик лет двенадцати — четырнадцати. Поскольку дружить нам особо было не с кем, а троица была явно безопасного вида — я окликнул их.

Разговор завязался. Оказалось, они были семьей земляков из Киева, и тоже стояли на мысе через два от нас, очевидно где-то за нудистами, а сюда притопали на разведку в поисках местных достопримечательностей и красот. Звали их Пашей и Ирой, а сына я не запомнил. В разговоре Павел кивнул на мои украшения — на мне висело много бохо-браслетов.

- Тибет?

- Тибет — ответил я.

И тут же Павел принялся рассказывать об их увлекательном путешествии в тибетское королевство Мустанг. Стало ясно, что передо мной не празднующие люди, но я весьма гармонично вписывался в утренний рассказ, в дикарских леопардовых штанах, тибетской символике и оранжевой футболке с Буддой на весь торс.

Моих знаний в этой области вполне хватило, чтобы поддержать беседу, а после гости откланялись. Меня это все взбодрило, как если бы я встретил не киевлян, а топающих гуськом тибетских монахов.

Позже они еще раз проходили мимо нас, я пригласил их на чай, но решено было в другой раз почаевничать, и земляки утопали вдоль обрывов в сторону своего лагеря.

Делать снова стало нечего. Ленка дочитывала мемуары Джинна Симмонса о непростой жизни «КИСС» и его четырех тысячах любовниц, а я погрузился в мир восьмидесятых, оживленный в книге ФОЗЗИ из «ТНМК» «Темнеет рано». Было достаточно тепло, но ветер сменился на зюйд-вест и нагнал холодной воды, в момент, когда мы уже почти разжарились на солнце и решили-таки искупаться. Выхода особо не было, пришлось лезть в холоднющее море. Тем более, что от нечего делать, в преддверии гостей, я занялся ремонтом ступеней, очисткой туалета и прочими пыльными и неблагоприятными делами. Прокапывая новые ступеньки на горшок я едва не наступил на толстенную, как индийская кобра, змеюку. Я не силен в видах змей, обитающих в этих краях, но для ужа или полоза эта тварюка была неестественно огромной, словно садовый шланг. Однако разглядеть и идентифицировать ее не удалось. Я, конечно таскал желтопузиков по метра полтора и с руку толщиной в крымских горах, но этот шнур был черный и очень толстый.

К шести вечера разморило. Я немного подремал, все-таки сказалась бессонная ночь. Затем мы расположились на террасе. Сегодня должны были прибыть Бени и Перетокины, однако, от последних пришла весточка, что они не приедут. Теперь оставалось уповать, что хотя бы Бени не проедут мимо, иначе нам бы пришлось остаток отпуска сидеть в гордом одиночестве.

К девяти вечера, уже почти в глубоких сумерках внезапно раздался шум мотора. К тому моменту мы уже давно сидели на иголках и вслушивались во все движения в округе. Я решил, что это Беня сам нашел дорогу и пробился к нам. На радостях, я выскочил по крутой тропинке на парковку, но там стоял не то «ДЭУ-матиз» не то какая-то еще меньшая «пепельница» (и как она сюда пробралась?), груженная под полную завязку. Из нее вышли два мужика в перчатках — было ясно что люди непростые, снаряжения у них было будь здоров. Мы поздоровались, они представились местными, и в их взглядах царил разочарование. С их слов, они приехали первыми, а всех их ожидалось «еще много». Видимо в преддверии Дня Независимости, они рассчитывали с вечера занять козырные места, но мало того, что «стратили», я их добил еще и тем, что сообщил о занятых двух лучших полянах и ожидании еще двух машин. Мужики покрутились, но было видно, что

альтернативные места, например, на берегу, их не устраивают. Это чувство как раз мне было знакомо — как по мне, так лучше уехать совсем в другое место, чем униженно стоять рядом с тем, которое условно, но все же считаешь своим. Ну, как я «своим» считаю это наше место.

Парковка была заманчиво пустой, но посоветовавшись, мужики сели в свою божью коровку и скрылись, бросив на прощанье напутствие: «Только не мусорите!». Ишь, нашли кого учить-то...

Я понял, что завтра здесь будет весело.

Но в этот момент позвонил телефон и Бенья сообщил, что они уже рядом. Нужно было идти их встречать.

Мы вооружились фонариком и отправились к началу «дороги смерти». Благо темно и Бенья не совсем в тот момент осознавал, какая дорога его ждет. После дружественных обнимашек, его груженный «Ланос» ломанулся за мной в ночь. Мы с Ленкой полусеменили — полубежали впереди, я только жестами показывал куда лучше поворачивать руль. В принципе, самые страшные участки он как раз проскочил, не поняв их опасности и не разглядев в свете фар, правда изрядно прокочевряжился на разных сложных подъемах и косых пролетах под углом над оврагами. Но все же, благодаря темноте, отваге, расчищенной мной дороге и лоцманской регулировке, до парковки добрались без эксцессов. Хоть и не быстро.

Раскрасневшиеся Бенья с Танькой вышли из машины бросив, что-то типа: «Никогда больше!» и «Ну вы и забрались...» Но потом из чрева машины выгрузилась их дочь Алинка и началось большое заселение душ.

Для начала мы провели гостям общую экскурсию, а затем долго и весело помогали разгружать машину, сносили вещи, отпуская шуточки и прочее.

Теперь мы были в полном составе. Жигун, как и Перетокины, приехать не смог, о чем сообщил заранее. И стало ясно, что стоять нам нынешним составом числа до 27го, а там как будет видно.

Бени, благо опыта им не занимать, быстро освоились, несмотря на темноту, поставили палатку, постелили все, подготовившись к первой ночи и засели за как раз подготовленный нами ужин. С собой они привезли, как заведено, несколько видов самодельной вкуснейшей самогонки — всяких клюковок, вишенок и прочее. И ежевику на утро. Нет, не самогонку, ежевика все-таки была — в ягодах.

Мы не виделись давно, а у нас с Ленкой набралось так много впечатлений, что сидели мы долго, изучая вереницы, кораблей на горизонте, попивая вкусняшки и стараясь в подробностях рассказать вновь прибывшим все пережитое нами за последние недели полторы. Так вечер медленно перешел в ночь, а ночь и вкусняшки все-таки сделали свое дело и где-то глубоко за полночь мы все дружно расползлись по норам до утра.

ГЛАВА 9. БЕНИ.

Меня подорвало ни свет ни заря, в шесть утра. Я ухватил камеру и пошел снимать себя на рассвете. Как раз наступил День Независимости и ожидалось прибытие народа. В этом году праздник, как назло, выпал на целых 4 дня и люди, конечно же, повалят на море. Но пока было раннее утро, прохладно, немного ветрено, и уже как-то не по-летнему зябко. Я наснимал немного видосиков и фоток и после непродолжительного одиночества, разделенного с дневником, уже к восьми утра обнаружил, что встали все. Видимо, чудодейственные напитки ободряюще действовали на оздоравливающиеся организмы, потому что все были вполне себе бодрячком.

После утреннего кофе Ленка занялась, как я выражаюсь — рукоблудием, эээ, ну собственно рукоделием: они с Алиной принялись за сбор, вываривание и высушивание ракушек и мастерили из них всякие девчачьи бусики и браслетики. Я же, со знанием дела, повел новоприбывших на экскурсию по таинственным местам и сокрытым стоянкам на

родники. Воды на родниках набрали сразу несколько баклажек, но дальнейшая экскурсия с ней в руках была невозможной, и мы оставили воду у родников, а сами углубились в джунгли, где прятались пустые, но невероятно комфортные стоянки. За ними, в высоченном обрыве была прорублена лестница. В прошлом году я по ней поднимался наверх, поэтому решено было повторить подвиг.

Ступени были ну очень крутые, а прорубленный в обрыве проход достигал сантиметров восьмидесяти в ширину, не более. И, несмотря на некоторые неудобства, ввиду мягко говоря, нелюбви к высоте отдельных представителей нашей экспедиции, нам все же удалось подняться от сокрытого в дебрях лагеря на гигантское плато.

Казалось, отсюда будет видно даже Стамбул. Насколько хватало глаз — раскинулось море. Корабли в голубой дымке, скошенное огромное поле пшеницы за спиной (так вот откуда столько мышей!). В прошлом году здесь рос двухметровый подсолнух и было полно фазанов. В этом году по стерне можно было гонять на «ламборгини» — плато было идеально ровным. Дорога вилась по самому обрыву и уводила куда-то далеко в порт.

Мы насладились почти крымскими видами, но под палящим солнцем решили не спускаться, а вернуться в лагерь далеко в обход. За водой было решено вернуться морем позже.

Пройдя некоторое расстояние по плато, мы оказались как раз над нашим лагерем, и даже видели наши машины далеко внизу на поляне-парковке. Но в то же время, нами был обнаружен гигантских размеров скол вершины. В прошлом году там тоже была огромная трещина, но перепад между, так сказать, материковой частью и нависшей над лагерем угрозой был всего в полметра. Сейчас он увеличился, как минимум, до трех метров. А рядом обнаружился сход породы на метров пять. Иными словами — над нашим текущим лагерем висела отколовшаяся от «материка» скала, размером с супермаркет. Как было видно, в трещине, разделившей материк и скалу было полно рыхлой породы. Стало абсолютно ясно, что вся эта история надолго не удержится и сойдет вниз, погребя под собой в лучшем случае парковку, а в худшем все наше «козырное» место. И, если учесть, что теперь такой огромный кусок завис над нами и просел за год на три метра — вряд ли где нам будет становиться на следующий год.

Это и пугало, и огорчало и величественно завораживало. Но делать нечего - нужно было возвращаться. Дождей не было, и вероятность осыпи была не слишком большой, впрочем, быть раздавленными тоннами породы или чего хуже, заживо погребенными в конце лета и отпуска не входило в наши планы. Поэтому оставалось одно — уповать на то что оставшиеся несколько дней гора простоит. Позже мы все отмечали, что если пойти, пардон, в туалет, туда, к подножию горы, где он имел место быть построен, то в полной тишине было слышно, что гора беспрерывно осыпается. Слышен был постоянный сыпучий звук породы и глины, шелестящей по листьям.

Осмотрев, как следует, нависшую беду, мы продолжили путешествие вдоль гигантского обрыва над морем. Красота мест завораживала. Конечно, ее нельзя было и вполтину сравнить с крымской, но все же, была здесь своя изюминка. Здесь была ДРУГАЯ красота.

Насладившись видами, мы свернули с дороги и направились в порт.

Портовая территория тщательно охранялась, так что нам удалось только немного пройти по бетонной дороге в полях и вскоре пришлось упереться в КПП. Но с холма весь порт лежал, как на ладони: гавань его уходила на километр или два вглубь берега, величественные сухогрузы, контейнеровозы «MAERSK» и другие суда плавно заползали и выползали вдоль огромных кран-балок, сновали буксиры, все напоминало огромный организм муравейника. Даже удалось рассмотреть лоцманские красные катера ближе. Те самые, которые не пропускали ни одно движущееся судно на горизонте. В общем, картина была впечатляющая — сложно описать словами величие больших настоящих морских судов, когда они в сотне метров от тебя. Там, на рейде, они всего лишь кораблики на горизонте из игрового автомата «Морской бой» в фойе кинотеатров СССР. А тут... А тут они настоящие, функциональные, размерами с десяти-пятнадцатизэтажку и длинные, хоть на

велике кататься. В общем, вблизи все и красиво и жутковато одновременно.

Мы заморожено постояли на краю холма и, впечатлившись, отправились назад в лагерь.

Дорога была жаркой, ветер нес запах тухлятины и гниющей мусорки с главного пляжа, нужно было проскочить его как можно скорее. Поэтому, в лагерь мы вернулись довольно бодро.

Вскоре прибыл Паша Жарков. Привез рис, хлеб, батарейки, воду и новость, что моя «Нокия» категорически не заряжается. Что с ней произошло — понять не смог ни он, ни я. Но факт этот был тем печальнее, что я почти совсем остался без связи. Делать нечего — все равно особенно некуда было больше звонить.

Паша испил кофе, обсудили какие-то нехитрые новости и он решил ехать. Но это, в его случае всегда без приключений не проходило и он снова посадил машину на брюхо. Дело привычное — соседи лихо подключились, помогли вытолкнуть и Паша снова скрылся в облаках глиняной пыли.

На парковке уже тусила команда из Первомайска, прибывшая на бусе-«тойоте» годов 90х. Среди них вожаком выделялся коренастый в летах дядька, весь в снаряге — гидрокостюм, грузы, ласты, в общем — видно сразу, что не пляжник. Поэтому, слово-за-слово и Гена (так его звали) рассказал очень много историй про эти места.

Оказалось, в свое время дорога выходила прямо на пляж. Но горы осыпаются и рельеф меняется постоянно. Сам он — тот еще аксакал и ездит сюда уже лет тридцать. Он поведал про особенности местной рыбалки, про то что наше «райское место», оказывается раньше было просто туалетом, а все стояли на берегу, и что здесь базировались хиппи и нудисты. А наша волшебного вида площадка, где мы коротали вечера и встречали утреннее солнце под шатром — не что иное, как просто тупик бывшей дороги.

Рассказал и про то, как целыми банановыми ящиками солил, а затем вялил креветку — ее было несметное количество. Я решил попробовать на будущий год.

Тем временем, по-прежнему дул сильный зюйд-вест и к вечеру разыгрался нешуточный шторм. Вода стала холоднучей, ветер с каждой минутой все пронзительней. Пришлось одеваться по-осеннему, в куртки, кофты и даже шапки. Август перешел в конец сентября.

Делать нечего — пришлось занять позицию под шатром.

Поужинали, но девчонкам было не комфортно и они разбежались по палаткам. Мы с Бенджамином еще попытались храбро побороться с разными видами алкоголя, но в силу погоды поняли, что и нам это ни к чему. Пришлось взаимооткланяться.

25 августа. Встал в семь утра, как всегда, проделав утренние ритуалы с чайниками, кофе и прочими атрибутами. Вслед за мной подорвались Беня и Алина. Живописно расположились под шатром, отдали должное утреннему кофе. Ленка не заставила себя долго ждать и тоже присоединилась к нам. К сожалению, на площадке некомфортно — дует все тот же нудный зюйд-вест, я понимаю, что на следующий год имеет смысл брать второй шатер и прятаться в кустах.

После кофе мы с Беней решили прогуляться к родникам — ведь там со вчера так и оставались наши четыре баклажки с водой. В такую погоду проходимцев тут не ожидалось, я был уверен, что вода никуда не денется. Мы пошагали по камням — нужно было лезть в воду, чтобы обогнуть мыс, а этого не хотелось. Но ломать ноги на камнях было еще менее перспективно и я плюхнулся по пояс в воду. Беня отчаянно боролся с камнями под обрывом. Один взгляд на валуны, держащиеся буквально на волоске заставлял пришпоривать коня — не хотелось попасть под внезапный обвал. Но обошлось.

Вода действительно дожидалась нас на роднике, успешно переночевав на пляже. Мы прихватили по баклажке в руку и посяпали в обратном направлении. Снова пришлось проскакивать опасные обрывы.

После такой взбодряющей прогулки, Таня выдвинула идею повезти Алину покататься в другое место, примерно в ста километрах от нас. По некоторым сведениям из прорывающегося Интернета, там была теплая вода, ветра не было, а ребенку, приехавшему на море всего на 4-5 дней вряд ли светило нормально покататься здесь, у нас. Похоже было, что ветер зарядил на целую неделю и штормило — мама не горюй! Решено — сделано, Бени рванули. От нечего делать я присел за пиво, а Ленка — за новые бусики. В этом занятии она уже поднаторела и действовала довольно проворно. Закончив с бусиками, она сменила занятие на попытки позагорать и развалилась на площадке. Я наклеивал ее фоток, ползая по всем окрестным выступам, но вскоре мне папараццить надоело и я вернулся к пиву.

Пришел Гена, рассказал рецепты как отваривать и вялить креветок, еще какие-то истории про местность, потом ему вздумалось прорубить ступени в тропе к площадке, чем он и занялся, а его внуки бегали вокруг, хлопая в ладоши — отпугивали огромного полоза, который приполз греться к нам еще с утра. В общем, время тянулось бесполезно. От скуки мы с Ленкой даже рискнули и пошли купаться в волнах. Солнце было вполне сносное, но ветер при этом не утихал. Учитывая этот факт, я понял, что Паша с Олей, хоть и грозились — но вряд ли приедут и, потусив немного, придумал себе развлечение - завалился спать.

Вообще, спать днем — прекрасно, но в отпуске все время жалко каждого потерянного часа. Но, когда делать становится совершенно нечего, остается только это.

Ленка продолжала что-то чудить, но мы с ней в этом плане люди автономные, да и кому-то лучше было оставаться в лагере бодрствовать — кто знает, днем сюда могли забрести случайные туристы, а у нас две площадки с вещами...

Разбудило меня какое-то броуновское движение на стоянке. Оказалось, Бени вернулись, накупавшись где-то там, за линией горизонта, и уже вовсю идет приготовление к ужину. День прошел как-то пусто, но в то же время, я отдохнул.

Во время ужина наши рассказы о ловле креветок взбудоражили фантазию гостей и, несмотря на всю абсурдность задумки, в перерывах между возлияниями мы в темноте отправились дружно ловить креветку. Следует ли рассказывать, что затея была более чем сумасбродной — в волне и мути креветок не было вообще, а я в итоге, изрядно наматюкался и чуть не утопил тапки. Но доказал, что вся эта вакханалия изначально не имела смысла, а следовало просто продолжать бухать. Но коллективный разум иногда непостижим.

Чертыхаясь, я пошел менять трусы на сухие, при этом вынужден был констатировать, что, несмотря на волну и ветер, вода стала теплее значительно. Я резюмировал, что завтра возможны перемены к лучшему.

В темноте, позже, я, как водится, вооружился пистолетом и фонарем и устроил облаву на крысу, но опять же, как водится - безуспешно. А вот мышей стало в разы больше — они уже лазают нагло почти по головам, залазят в подвешенные сетки, болтаются на них, как обезьяны. Мы их уже почти не замечаем.

Вечер зашел в тупик и мы рано завалились спать.

Немудрено, что утром я подорвался в 6.45

Кофе, починка тибетского браслета — вот и весь утренний ритуал. Затем все повставали, и засели за завтрак и чтение моего дневника.

Море, наконец, успокоилось. Солнце припекало что надо, и Таня, вооружившись сеткой, вопреки здравому смыслу, решила пойти на креветку. Ленка, чтобы составить ей компанию, взяла матрац и пошла загорать на Креветочный пляж.

А у нас были другие планы.

Я усадил Бенью и Алину в спасательном жилете на матрац, облачился в гидрокостюм, вооружился сетками, якорем и перчатками и мы отбыли на мыс. Предстоял лов мидий.

Поначалу дело не пошло — я никак не мог разныряться и то и дело задыхался. То ли вчерашний алкоголь, то ли не отработанная «дыхалка» играли злую шутку. Я забрасывал на матрац мидий только горстями и нырял глубоко, а их все не было почти — песок. Но вскоре,

после десятка перемещений вдоль береговой линии, мы набрали на подводную грядку, метрах в тридцати-сорока от берега. Глубина тут была не больше 3-4 метров, а на гряде я и вовсе мог стоять по грудь. А мидии здесь были в изобилии и размеры у них - как в супермаркете по сто гривен за кило.

Я заякорил матрац, Беня уселся на прием. Затем я укрепил дайверскую сеть для рыбы на поясе и погрузился.

Сетка набиралась с трех-четырех нырков. За один подъем я вынимал до пяти кг брутто, и передавал Бене. Он горой выкладывал улов на матраце. Мы планомерно обследовали грядку, периодически перемещая якорь к более выгодной плантации. Все шло просто отлично.

Спустя минут десять я ухватил и поднял со дна что-то ржавое и большое, длинное и не идентифицируемое. Беня осмотрел находку и критично заметил, что зря я у Нептуна спер трезубец. Рекомендовано было вернуться назад. Я тоже не видел в находке ничего примечательного и утопил ее там, где и взял. Затем продолжил собирать мидии.

То, что произошло чуть позже, я буду рассказывать теперь до конца дней, потому что такое случается не с каждым. Плывая над плоскостью гряды, я увидел на дне большой сгусток крупных мидий. Колонию, сразу на целый подъем. Пропустить такую добычу было глупо, я нырнул, прицелился, ухватил обеими руками и потянул вверх. Но вслед за мидиями вверх потянулся большой камень.

Бросить улов в мои планы не входило, и я рванул пучок на себя. В последний момент, что-то в очертаниях вставшего вертикально камня, обросшего мидиями, показалось мне до боли знакомым, а затем я все-таки выронил весь улов от неожиданности.

Прямо передо мной, в обрамлении черных скал гряды, на дне вертикально стоял здоровенный артиллерийский снаряд. Конусный, ржавый, правильной снарядной формы, все как положено.

Понимание пришло не сразу. Но инстинкт заставил отплыть, бросив все. В голове мелькнула картина взрыва — на матраце в нескольких метрах плавно покачивался Беня с Алинкой. Я доплыл до них и сообщил о находке. Задумались. Встала дилемма — с одной стороны: ну снаряд себе и снаряд, а мидий еще надо собрать. С другой — что если это и не гряда вовсе. Сначала ржавая железяка «от Нептуна», теперь снаряд... Что если я собираю мидий, например, с башни какого-нибудь танка или фюзеляжа самолета? Бои-то тут были еще...

На всякий случай, я решил сплавать посмотреть, не ошибся ли я — у страха ведь могут быть глаза велики. Но, увы — я не ошибся — снаряд так и остался в вертикальном положении, как я его оставил, и теперь покружив над ним, я его рассмотрел. Конечно, идентифицировать его не удалось, но и находиться вблизи — стало чрезвычайно опасно. Я отплыл на расстояние в несколько метров, подсобрал аккуратно уже с боков гряды несколько сеток мидий, не рискуя больше поднимать ничего со дна и, сняв с якоря Бенью с Алиной, поспешил утолкать их к берегу, подальше от страшной находки.

Впечатлений более чем хватило.

Мы транспортировали наш сухогруз к берегу, поведали девчонкам о наших приключениях и еще с час промывали мидий. Потом ведрами унесли улов в тень лагеря.

На берег спустился Гена и я испуганно рассказал ему о снаряде. На это он отреагировал с улыбкой: «Я знаю!» Его это не удивило — он знал, что такие вещи здесь, видимо, не редкость.

Вызывать МЧС в эти места дело крайне сложное, да и вернуться к снаряду меня уже никто бы не заставил. Поэтому мы решили оставить его там, где нашли, запомнив место.

А затем начался День Большого Плова.

Несмотря на зловещие находки, мидий мы приперли четыре полных ведра. Поэтому вскрывать их в котле, а затем чистить уселись дружно все. И, надо сказать, провозились довольно долго. Зато на выходе получили примерно полведра или нетто - 3 кг чистого «мидийного» мяса. Такое количество было явно излишним для плова и мы сделали еще

мидии двух видов — с чесноком и с лаймом. А плов с мидиями и рисом «басмати» получился на удивление в идеальных пропорциях и невероятно вкусным. В предвкушении поистине королевского ужина, мы соорудили славный стол, Беня откупорил бутылочку очередного своего произведения, настоящего на клюковке и уже почти в сумерках мы чинно расселись под шатром на площадке под светом луны и с радующими глаз корабликами на рейде.

Но вечеру не суждено было стать королевским. Внезапно, откуда-то сверху послышались голоса и прямо к нам на голову (почти в прямом смысле) по тропе свалилась вся честная компания не приехавших к нам Женжиков, их друга и Барановой.

Шум встречи описывать не стоит — в принципе, все понятно. Возгласы удивления, обнимания и пожимания рук, знакомства и прочее растянулись на минут пятнадцать. Периодически Беня весело поддакивал и подшучивал, но вставлял вопрос: «А вы кто?» Наконец, когда все прибывшие идентифицировались и выдохнули первую порцию встречных эмоций, им было предложено присовокупиться к ужину. На удивление, стульев и прочих сидищ вокруг стола нашлось ровно по количеству гостей, а котел был полон плова, да и миски с мидиями и клюквочка пришлись по душе.

Прибывшие рассказали, что это еще не весь их состав и что стоят они где-то там, на пляже, имеющим название «Л...л», в общем, по их версии они «неторопливо прогуливались на машине и набрели на нас», но мы-то прекрасно понимали, что случайно нас могли найти тут только волки. Ясное дело, акция была спланированная. Но, впрочем, а что тут такого? Ешьте, пейте, гости дорогие, на базаре все сейчас так дорого! Шучу)

Конечно же, ничего не было жалко, а я вообще всю жизнь был гостеприимным хозяином. Выпили, закусили, с час пообщались. Баранова, что неудивительно, отличилась бросив Тане фразу: «А шо за говор?», на что ей ответили что-то относительно резкое и она отстала. Интересно, что ей слышится в ее барановой голове? Но вскоре Женжикова банда отклонялась и отбыла в обратном направлении, под отчаянное хоровое наше с Бенею: «oooooooo-ся ты goooooойся, ты меня не boooooойся!» Уж не знаю, что они там подумали, но явно поняли, что это не от тоски. А мы продолжили трапезу уже в нашем камерном коллективе.

Приход гостей нас изрядно раззадорил, поэтому песнопения продолжались долго, в ход пошла гитара, «Агата Кристи», «Сплин», и все, что мог выкричать из своей души Бенджамин дурным голосом.

Потом он разлегся на подстилочке посреди площадки и его не беспокоила даже прибежавшая на вопли крыса.

Но мы с Ленкой вежливо отклонялись и где-то под сенью теплой ночи отвалили к себе, предоставив молодых любоваться остатком ночи в уединении.

А потом пришло 27 августа и это был день отъезда. Всех. Кроме нас.

Утро мало отличалось от хороших таких же. Завтрак, кофе, солнышко. Все прекрасно.

Но... но это было утро дня, когда все начинало заканчиваться.

Сначала мы дружно отправились купаться. После морских процедур мы с Бенею прикурили мой аккумулятор, машинка начала прогреваться. И тут на парковку ввалилась четверка наблакотыканных пацанчиков и телочек. Они прибыли на «субарике» с низкопрофильной резиной и весьма низкой посадкой. Все бы ничего, но вся компания напоминала что-то вроде укуреного «Сектора газа» и «Отпетых мошенников». Особенно выделялся один. Он без умолку орал на каком-то диком жаргоне, выдряпался на гору и размахивая пивом в руке, вопил: «Да здесь же лакшери, бля, ребята, здесь же лакшери!!!!». При этом его не смущали ни мы, ни вышедшая на крики с площадки Таня, ни даже коллектив Гены — а их было около 6 человек. Гоп-компания рассекала по парковке, нагло пытаясь поставить свой драндулет чуть ли не выхлопной трубой в микроавтобус Гены.

Мы попытались их вежливо вразумить, ожидаемого хамства в ответ не последовало, но поведение было, мягко сказать, невероятно распиздяйским. Это напрягло сразу всех: нас, потому что нам с Ленкой совершенно необходимо было съездить в соседний городок,

зарядить аккумулятор, скупить кое-что — Бени уезжали, никак нельзя было оставаться с разряженным аккумулятором. Но и оставлять лагерь только на Беню — тоже было как-то нехорошо. Но деваться некуда. В конце концов, у Гены в компании были еще ребята. А прибывшая горластая банда явно планировала повисеть без ночевки — было воскресенье, а они приехали, в общем-то, налегке.

Кое-как перебросившись с прибывшими парой фраз мы нашли компромисс, где будет стоять их машина и как развернуться мне на уже забитой четырьмя авто узкой парковке. Пожелав Бене «держаться во что бы то ни стало», мы рванули.

Конечно, мне пришлось собрать железную волю в кулак и проскочить опасный обрыв. Это добавило нервов и адреналина. Стало вообще не по себе, но я отогнал дурные мысли и мы поехали в город.

До него было десять километров и обратно столько же, поэтому аккумулятор вполне нормально подзарядился, чтобы машина заводилась «с пол-тычка».

По дороге заправились и заглянули на местный рыбный рынок. Вкуснотища — та еще! Разнообразие морепродуктов шокировало. Конечно, не азиатское, но для черноморского — вполне. Глаза разбегались от копченых сарганов, маринованных лещей, красных сочных окуней и гор креветок. Креветками нас удивить уже было сложно, но я, выбрав калибр примерно тот, который водился в изобилии у нас, поинтересовался ценой. Килограмм стоил 250 гривен. Я так прикинул, что, в принципе, вечером наловить килограмм даже тем мелким моим пауком можно за час-полтора. И, если потом продать, например, на пляже по двадцатке за сто грамм — в принципе можно за пару дней отбить дорогу. Но это была математика, а не реальная необходимость, поэтому мы затарились вкуснейшими свежими копченостями, попили кофе, взяли вина обильно на разлив (нам ведь еще предстояло оставаться) и немного нехотя помчались обратно.

По дороге решили заглянуть на тот самый пляж, где стояли наши вчерашние вечерние гости — Женжики. После нехитрых поисков мы нашли поворот с трассы и вскоре оказались на вершине крутого обрыва. С него, как и ранее с нашего плато, открывался вид на 180 градусов моря с десятками кораблей и призрачной Турцией где-то там.

А внизу, под обрывом, метрах в ста, нами сразу была обнаружена наша цель. Но дорога вниз была не то что крутой — она была из глиняной сыпухи и без малого градусов под сорок пять. Ехать вниз — уже было сомнительно, а вероятность вскарабкаться была невелика. Поэтому, мы оставили машину, и громогласно объявив о своем присутствии с вершины обрыва, устремились вниз.

По дороге нам встречались уже опустевшие, но обжитые стоянки, с навесами, ступенями и даже фруктовыми деревьями. На некоторых росли груши-лимонки и я с удовольствием проглотил одну, вспомнив подзабытый вкус детства на даче.

Женжики раскинулись на пол-пляжа, но уже собирались. В их арсенале был огромный шатер, резиновая лодка, назначения и времен советского спецназа, редкость в наши дни, а также полные комплекты дайверского снаряжения и два джипа. Пока Ленка с девчонками уговаривала бутылочку вина, мужики приготовили в этот раз уже наловленных ими мидий, которыми в ответку угощали и нас, но скажу по правде — после вчерашнего целого дня в компании этих моллюсков, я их уже не хотел видеть, не то чтобы есть.

Ребята уже собирались, но девчонок непросто было растащить от вина. Но я, как непьющий за рулем, такого энтузиазма не разделял и все-таки уговорил Ленку ехать вызволять Беню из плена гопоты.

Нам в дорогу подарили еще бутылочку винца и на этой мажорной ноте мы распрощались с коллективом до Киева, и устремились по сыпухе вверх. Признаться, дорога была весьма крутой, в дождь даже полноприводным внедорожником подняться по ней едва ли было бы возможно. Да еще и глина...

Нет, стоять тут я бы не стал. Чересчур рискованно и как-то неуютно.

Но, как вариант, если уж совсем будет тоскливо, то...

Так размышляя, мы позвонили Жигуну, рассказали ему о приключениях и помчались к нам в лагерь.

Опасный перевал я промахнул уже как-то легко и привычно.

На подъезде к лагерю сразу почувствовалось, что атмосфера какая-то нездоровая. Визуально что-то изменилось. Подъехав, мы увидели, что Гена и его компания собрались. Машина была полностью упакована, а низкопрофильный драндулет гоп-компании все еще на месте. Кроме того, на парковке стоит вишневая «Нива» на грязевой резине. Кого-то еще принесла нелегкая?

Как оказалось, Бени тоже уже полностью собрались, сложились и готовы к старту. Настроение у них, к слову, было несколько угрюмым. Мы расспросили. Выяснилось, что компания разместилась на первой линии от моря, чуть правее площадки, и горластый разошелся не на шутку — мало того, что он матом орал и верещал (даже сейчас, когда приехали мы), выяснилось что он ломился к нам на стоянку. Таня вежливо его одернула, мол, куда? Там люди! На что он парировал, мол: «А что, они там живут что ли? Мне дрова надо собрать!». Таня так же вежливо ответила, что, да, живут. А дров полно внизу на пляже. Что было истинно правдой, причем буквально нарубленные дрова охапками лежали возле уже ненужных кострищ. В ответ прозвучала куча матов, но, слава Богу, придурок не полез в наш лагерь (будто не видно, что там гора вещей, палатка, столы, кухня, наконец), и спустился к своей компании. К слову, его друзья мужественные люди, если могли проводить уик-энд в компании такого придурка — он не замолкал ни на секунду, напаялил панаму-пельмень и катался на надувном матрасе по волнам, истошно вереща.

«Нива» принадлежала молодой паре. Они, как ни удивительно, расположились всего метрах в десяти от дурагонов, несмотря на то, что пляж слева от нас был свободен аж до «креветочного». Вопли дегенерата на матрасе их, похоже, вообще не смущали. Но пара держалась особнячком и приехала явно покупаться, не более.

Гена прощался. У них сломалась плита еще день назад. Они одалживали нашу, шготовить было не на чем и теперь им было пора ехать, но меня все это крайне огорчало: одновременно уезжали все, оставляя нас с Ленкой вдвоем на пустом берегу с оголтелой компанией и неизвестной парой. Но мы понимали, что Беням нужно ехать, а Гена к нам отношения не имел. Только напутствовал: «Это шелупонь. Поорут и свалят — ночевать не будут. Бей первым, так больше шансов!» Пожал руку и был таков.

Настал черед и Бень. Мы пообнимались, что-то друг другу понапутствовали, пошутили, проводили к машине. Но мысли мои были сильно извилисты, почти как мозг. Я напряженно думал о том, с чем, возможно, придется столкнуться и чем все может закончиться.

Распрощавшись с Бенями, и помахав им вслед (проводить их мы по понятным причинам, не стали), мы спустились на площадку. Некоторое время я просчитывал все возможные сценарии, но потом плюнул на все, закрыл вход в лагерь стульями, достал пиво и увалился в кресло в шатре на площадке. Пистолет положил в стол, туда же на всякий случай, топор. Вероятность его применения была настолько же малой, насколько и кинематографически яркой в моем воображении. Но все-таки, наученный годами просмотра триллеров и ужастиков, я боялся не крови и мяса, а скорее того, что мне в нужный момент будет нечем его разделывать. А море большое, если что, все стерпит. Чайки тут голодные...

Тем временем, псих немного ухайдокался. Я это тоже спрогнозировал — ныряние, гребля на матрасе и постоянный ор в этом тщедушном теле не должны были уже оставить никаких сил. Так и получилось.

Потянуло дымом. Сначала это напрягло, не пожар ли. Прошлогодний пожар научил внимательно отслеживать любые дымки на горизонте. Потом стало ясно, что это гопота жарит шашлык. Значит, будут бухать. Это катализировало.

Молодая пара на «Ниве» вежливо поздоровалась с нами и поднялась по тропинке на парковку. Минут десять — и мяукнул мотор, потом резина зашуршала по глине и все стихло. Было около шести вечера, солнце кланяло.

Мы немного успокоились, освоились. Угрозы снизу как бы не было, но теперь мы были один-на-один. Точнее двое против пятерых. Оставалось оно — ждать. Как раз Бени позвонили, поинтересовались, живы ли мы еще. Убедившись, что еще да, они продолжили путь, а мы — ожидание, когда, наконец, босота свалит.

И, Слава Йсу, солнце коснулось горизонта, мальчик в панамке снова загалдел, но уже

не так резво и мы увидели, что зонт собирается, подстилки скручиваются. Наступал момент «Ч». Двое из компании спокойно прошагали мимо нас по тропе вверх, бросив «ДО свидания!». Остальные, включая глашатая, поднимались шумно, безбожно матерясь. Как раз напротив нас, он громко выдал: «Да шоб я сюда еще раз приехал!» Очевидно, он остался недоволен каменным неудобным пляжем и нереально тяжелой для его низкопрофильного «субарика» дорогой.

Несмотря на то, что компа уже вывалила на парковку, я не расслаблялся — а хрен его знает, что у них еще на уме. В одном западном фильме много лет назад я запомнил фразу ФБРовцев: «Когда ситуация под контролем? - Ситуация под контролем — только по дороге домой!» И я всегда руководствовался этой фразой. Пока эти черти еще тусили рядом — лучше было оставаться в пружинном состоянии.

Ленчик призывала расслабиться, но я сказал - подожди, еще сейчас сэлфи будут!

И точно: поочередно, оголтелая братва клацалась на фоне моря прямо у нас над головой, на краю обрыва, рискуя упасть сверху на мой топор.

К счастью, селфи на закате имеет непродолжительное существование. Солнце, смекнув, что оно на нашей стороне, село, и мы с Ленкой вскоре услышали хлопанье дверей, рев мотора, матюки и... и наконец все стихло.

Я, аки партизан, вскарабкался по тропе, огляделся. От опасных соседей осталась только пыльная дымка. Но снова стало как-то не по себе: вокруг — опять ни души, и даже на дальнем пляже на горизонте уже не бликовали машины. Близился сентябрь, закончилось последнее воскресенье августа и даже самые стойкие разъехались провожать детей в школы и возвращаться к привычным будням. Нам еще предстояло это завтра. Но сегодня мы еще должны были побыть с морем наедине.

Ленчик быстро соорудила недостающий элемент последнего вечера: плов, купленную рыбку, вино, пиво. Мы созерцали море в его дивной красе, Еления расплетала мне копну косичек, заплетенных две недели назад, я наслаждался морем, словно приехал только вчера. Вокруг царил покой и полная тишина. Чайки носились низко, кораблики включили иллюминацию, но вечер еще был синим-синим.

Снова позвонили Бени и сообщили, что Алина «наказала своих кукол» и оставила их в наказание одних на пляже, причем — с обратной стороны КРАБ-камня, а волна была серьезной. Я отважно ринулся на спасение Мустик, Джелизы-Розы и Сахарных Губок (см. фильм «Страна Приливов»). Мне удалось спасти всех наказанных девиц раньше, чем тьма ночи и шторм поглотили бы их безвозвратно.

Так коротался вечер. Я добывал карту памяти, снимая все подряд, прошелся по берегу — не забыли ли дурагоны чего-нибудь, что может заставить их вернуться или быть полезным нам. Но ничего интересного мной обнаружено не было. Песок и пляж.

Мы вкусно покушали маринованной и копченой рыбы, провернули в голове события сумасшедших недель, с неохотой прикинули планы предстоящего выхода на работу и, убедившись в том, что растянуть последний вечер все равно не получится, а завтра — тяжелый день сбора с последующей пятичасовой дорогой — свернули все и усыпали на боковую.

На всякий случай, вход в лагерь я немного забаррикадировал стульями, прикрыв их так, чтобы они создавали грохот, если кому и вздумается нас посетить. Но, скорее всего, мои опасения были излишними. Ночью в эти дни сюда заходили только отважные ежи да залетали чайки.

Я обнял Ленку и настороженно задремал.

ГЛАВА 10. ДОМОЙ.

Ночь была тяжелой. Как ни пытался, а проспал я всего часа три-четыре. С десяти вечера до полуночи и немного под утро, до шести.

Мешали звуки и постоянный «стрем». Воображение играло злую шутку, мыши, птицы

— все как сдурели, в отсутствие людей они топали, шуршали, свистели и бегали взад-вперед по поляне. Осознание того, что мы снова на километры — робинзоним одни, только в этот раз еще все круче, не давала покоя. Ну действительно, теперь уже разъехались все, и тут хоть «караул!» кричи — никто не услышит и раньше чем через неделю (в лучшем, теперь, случае) не найдет.

Конечно, у страха глаза велики, но все-таки никаких сюрпризов и неожиданностей в последнюю ночь не хотелось. А мерещилось, как назло все подряд — от непрошенных гостей и маньяков, до обвала и погребения нас под слоем глины.

Ленка, конечно, свистела носом в берушах — ей-то что, у нее есть я. Хилая, но все-таки — хоть какая-то защита. А вот у меня, кроме топора и воображения, нет ничего и никого.

Поэтому, кое-как дотянув до рассвета, я, изрядно помятый, потрепанный, но непобежденный выполз из палатки и решил, что пора расправлять паруса. Попил кофе, пошел на площадку, где снял и упаковал пустую палатку еще с первыми лучами солнца. Ленка встала чуть позже, сварганила яичницу — нужно было подьедать все то, что нельзя было забрать с собой. Затем мы приступили к большому сбору.

Описывать этот процесс сложно. Он включает в себя тщательный осмотр, упаковку и раскладывание всех компонентов отдыха — от ложек и даже батареек, до палатки, шатра и крупной посуды.

Дело в том, что за годы путешествий и еженедельных выездов «по полной программе», сотен переукладываний и игр в пятнашки, большинство вещей в машине приобрело свое постоянное место, согласно его габаритам и важности в нужный момент, последовательности укладки и ряда других факторов. Ну, например, если ящики с кружками и вилками укладываются в машину в мае, то из машины они домой попадают только в глубоком сентябре. Поэтому их место — в глубине. А вот, скажем, газовый баллон в машине не остается никогда. Как и спальник. Первый — от греха подальше, второй — чтобы не отсырел. А вот стулья и стол преспокойно могут покоиться на дне багажника все лето. Зато при большом перелете, как вот сейчас, между городами, такие вещи, как домкрат, трос и балонный ключ лучше оставить сверху, чтобы в случае поломки не пришлось выгружать на трассе весь багажник. Ну и так далее.

Но самым важным фактором является умение и навык заранее в голове сложить весь «тетрис». Потому что даже одна вещь, появившаяся в период отпуска в списке, может нарушить всю гармонию и попросту не влезть, или что еще хуже — заставить не влезть в машину что-то более важное и ценное, чем она. А также, есть такая неучтенная статья как мусор. Как бы накануне ты ни нагружал друзей или не вывозил его сам — все равно один-два мешка насобираются в последний день при сборе. И не вывезти их даже в голову не приходит. А их габариты немыслимы, не говоря о запахе или возможных потеках. Все это необходимо учесть и продумать при упаковке машины.

Конечно, будь у меня пикап, микроавтобус или хотя бы прицеп или багажник на крыше — задача бы значительно упрощалась. Но у меня хоть и вместительный, но все-таки седан, и кроме багажника и салона я ничего загрузить не могу. А вещей, как известно, едет как на всю жизнь, потому что ничего нельзя забыть — как правило пригодиться может все и внезапно. Так вот, в этом году, к примеру, Жигун, уезжая оставил мне два раскладных походных стула. Один разломался в хлам и его я решил оставить последователям, а другой легко ремонтировался даже в походных условиях с применением простого скоча. При этом, все остальное в нем было совершенно целым. Бросать стул, который стоил сейчас под тысячу гривен я не был намерен. Но, в то же время, он не входил в мой тетрис. И мне предстоял непростой путь решения этой головоломки.

Иными словами, пасочками, кулечками, сумками и чехлами была заставлена вся поляна. Первое правило: ничего нельзя грузить в машину, пока ты не видишь пред глазами весь объем и все предметы, причем не кучей, а каждый отдельно. Только так можно представить себе картину загрузки. Стоит только начать складывать хаотично — и считай, что к концу погрузки тебя ждет сюрприз: придется все вынимать и переукладывать.

Мой опыт работы грузчиком по мебели — просто неоценим. В свое время, я без труда мог впихнуть в будку «газона 63» трехкомнатную квартиру. Если только всегда соблюдать правила погрузки.

Поэтому, сейчас, собрав 98% всех вещей, мы начали перетаскивать их на парковку. Чтобы не ходить вокруг да по наклонным тропам, решено было тащить вещи напрямую через кусты с погребом, так было вполровину короче, но кусты располагались в яме, а машина — на поверхности ямы в пяти метрах выше. Кроме того, здоровенный боярышник с толстенными ветвями раскинулся на всю площадь ямы и каждую вещь сначала нужно было, согнувшись пополам протолкнуть под веткой, а уже потом, с другой стороны вытянуть и выбросить наверх ямы, где ее предстояло поймать второму человеку и оттащить в сторону машины. Стоит ли говорить, что все вещи пришлось переподнимать трижды. В связи с этим, сбор и упаковку машины мы закончили только к часу дня, утомившись изрядно. И выпив море воды.

Ползут тучи. Очевидно, быть дождю. Этого еще не хватало — выезжать до крыши груженой машиной по мокрой глине над обрывом!

Мы тревожно поглядывали на небо, но взмокшие, спустились окунуться напоследок.

Вода приятно смыла пот и усталость сбора, тучки прикрыли палящее солнце, теплая вода манила еще подольше задержаться в ней. Мы плавали и просто наслаждались видами опустевших берегов, окутанных дымкой Края Лета.

Потом пришло время давней известной традиции.

Я выудил и погреба арбуз, сохраненный специально для этого случая и мы с Ленчиком, расположившись на опустевшей площадке, раскроили его на старых поддонах, служивших нам столом верой и правдой все это время. Теперь они больше походили на ребра гигантского скелета, выброшенного морем на берег. Ленчик восседала в том самом разломанном жигуновском стуле, я еще доснял что-то на прощанье. Решено было кое-что оставить. Так, остался поддон на кухне, два поддона на площадке, стул, ящик из-под плиты, два десятка 5литровых баклажек, собранных гирляндой и оставленных на дереве в пользование последователям, традиционные соль и спички, какая-то еще утварь вроде оплавленных свечей и проволоки, веревка и я попрощался здесь с зеленым большим надувным матрасом. Этот матрас, надо сказать, был легендарным, прошел многое, был оставлен мне братом, эмигрировавшим в Португалию, но, после этого лета он уже перестал накачиваться, видимо дырок молдавские спиногрызы в нем наделали-таки. Упаковывать его было некуда, да и дома он последнюю службу сослужил на Десне, свозив нас с Ленкой на остров, а у меня в планах все же была надувная лодка. Так что матрасу суждено было быть сложенным и аккуратно оставленным на столе. Я был уверен, что ему найдут применения, хотя бы как подстилку.

Я написал напутственную записку тем, кто придет после нас, заклеил ее в файл и оставил со всем скарбом. Подмел поляну и удовлетворенно попрощался с местом. Возможно, что и навсегда. Учитывая тот факт, что гора над нами, скорее всего, так рухнет к следующему году и завалит наш райский уголок.

Затем еще раз по-хозяйски обошел все закоулки, следуя еще одному неписанному правилу — всегда делать контрольный обход после полной погрузки. Зачастую, именно в последний обход места стоянки находятся незамеченные колышки от палаток, высыпающиеся деньги, какие-нибудь часы или цепочки, висящие на ветках, выпавшие из карманов медиаторы, зажигалки и прочее.

Выйдя на вторую террасу, я вдалеке увидел нечто знакомое: на дальней косе вроде бы расположился «уазик-«буханка» Кирилла, прошлогоднего монстра-одиночки. Отсюда было не разглядеть, он - не он, но все-таки, мне казалось, что это был Кирилл — кому еще взбредет в голову выкатить машину в понедельник утром на косу к самой воде, раскрыть задние двери и наслаждаться ветром?

Странно, что он не подъехал сюда, к нам, ведь я предупреждал, что буду его ждать. Впрочем, мне предстояло выезжать мимо него, поэтому я не сомневался, что если это Кирилл — мы непременно встретимся.

Тем временем, тучки набегали все больше, Ленка справилась с арбузом и

ликвидировала корки. Мы оглядели лагерь уже с высоты, убедившись, что кроме ветра и чаек не оставляем после себя ничего. После осмотра я положил на сиденье огромный пакет с мусором, а Ленчика, аки лоцманшу, отправил бежать перед машиной. На самом деле, не смешно — с мусором она бы в салоне не поместилась, а мне было бы очень тяжело управлять машиной на опасной и корявой грунтовке над оврагами. Ехал я медленно, поэтому Ленчик спортивно трусила впереди. На роковом перевале она, как настоящий штурман, жестами провела меня через обрыв, а затем показала мне, что нам машет с косы Кирилл. Отсюда уже было видно, что это действительно он и его «уазик», оснащенный всем, чем только можно.

Я махнул в ответ ему, затем Ленке, чтобы следовала за мной, а сам погнал по опустевшему мокрому песку пляжа в сторону Кирилла, совсем как в американских фильмах, где на конях, джипах или багги герои романтических боевиков перед титрами несутся вдоль кромки прибоя. Песок был плотный, завязнуть здесь я не боялся, да и Кирилл с его танком был рядом.

Разбрасывая брызги, я лихо подрулил к бусику. Задние двери его были нараспашку, показывая наружу весь отточенный быт самодельного трейлера. На черном бампере стояла початая бутылка красненького, а в шезлонге, под тучами, возлежала двухметровая татуированная фигура Кирилла, излучая блаженство. Под бусом покоилась пара дорогих ласт.

Мы бурно встретились, пообнимались, «поручкались», обменявшись дежурными фразами и взаимовопросами. Оказалось, что сюда, на полностью опустевший пляж, где осталась всего одна или две палатки, Кирилл прибыл вот только утром. И сообщил мне, что скоро пойдут дожди и мы вовремя, похоже, сваливаем. Тем временем, Ленка присеменила к нам. Я незамедлительно предложил Кириллу перебазироваться на наше место. А что? Там было все, что необходимо ему, уютно, скрыто от посторонних, и главное — как он и любил — никого не было вокруг. Кирилл задумался, согласился и засуетился — приближался дождь, а в дождь по грунтовке над обрывом даже его «буханка» могла не пройти.

Мы проверили координаты друг друга, обсудили некоторые детали возможной встречи на следующий год и Кирилл быстро стал собираться.

Мы тоже не стали задерживаться, хотя нам было уже практически все равно — до дождя мы теперь точно успевали выехать на шоссе, а там погода для нас значения уже не имела.

Пришлось, правда, оставить мешок с мусором на общем пляже, но поспешу заметить, там после целого августа их накопилось на целый сухогруз. Конечно, все это некрасиво, свалка была высотой в полтора метра, но все равно весь этот мусор скоро должны были вывезти коммунальщики, а для нас это была поистине вынужденная мера — Ленка просто не вмещалась в машину. Впрочем, это может показаться некрасивым только тем, кто не знает, о чем я говорю. На самом деле мы не мусорили. Ну да ладно.

Итак, мы, наконец выбрались по глиняным буеракам на асфальт. В створку бетонного забора, отделявшую нас от моря, я еще раз оглянулся — Кирилл уже упаковался и готовился к старту на наше место.

У меня есть традиция. От забора до города около пяти километров. Пять километров прямой, справа от которой сквозь деревья виден горизонт, море и кораблики. Эту прямую, без машин, с ровным асфальтом я называю «взлеткой» и разгоняюсь на ней под какую-то заранее заготовленную музыкальную композицию. Несусь вдоль моря, часто в последний летний день, оставляя за собой лето, сезон, приключения, воспоминания, в общем целую гору событий, отходить от которых мне предстоит еще очень долго. И вот, включив такую песню, каждый год новую, я ассоциирую прощание с морем с этой песней, и потом, весь год, когда она будет звучать у меня в машине, я тоже буду сразу вспоминать ЭТОТ момент, ЭТОТ день, эти пять километров, когда еще не поздно развернуться, и... ..но нет.

Таковыми песнями в свое время были: «End of Sorrow» (Pandora), «За Мной» (Hi-Fi)... В этом году закрывать сезон честь выпала эстонским представителям Евровидения, дуэту Koit Toome & Laura с песней «Lost in Verona». Под мощнейший драйв этой душевной мелодии, Ацаца, нагруженная по самые помидоры, уносила нас с Ленчиком вдоль морской синевы, с

кружащими августовскими сухими листьями, в запахах скошенной травы, в порывах ветра, под сгущающимися темными тучами навстречу новым приключениям. Новому сезону. Новым друзьям и надеждам.

В осень 2017 года.

ЭПИЛОГ.

...Дорога домой — это тоже череда традиций. Заехать в привычную закусную, подкрепиться на дорогу вкусняшками, о которых уже забыл. Пройтись среди цивилизованных людей в своем диком наряде, ловя на себе завистливо-удивленные взгляды «матрасниц» с маникюрами, сесть в машину, которая брюхом почти ползет по земле. Мчаться по трассе, навстречу садящемуся солнцу...

Мимо мелькают все более знакомые названия: «О, помнишь, мы тут в прошлый раз остановились и...» Там кушали, там отдыхали...

В этот раз приключение настигло уже в глубокой темноте, почти среди полей.

Отключились повороты. Ну, реле работало, а проблема была явно где-то в фонарях. Доступ к ним невозможен — багажник упакован под завязку. Припарковался я не слишком удачно — фурам приходилось меня объезжать. Вдобавок, ледяной ветер, сдувает с ног, а даже курточку не достать — заранее не приготовил, лето все-таки, юг... Пришлось вынимать пол-багажника и каким-то диким способом починить повороты наполовину. Нервы, конечно, были потрепаны изрядно. Одно дело - застрять где-нибудь в районе мотеля, а другое — посреди ночи, где-то среди полей, на богом забытой заправке, где даже кофе и туалета нет. И полтора фонаря... Гудят фуры, дует ветруган, темно... В общем, пришлось несладко.

Остаток дороги проехали в напряжении — чем ближе к городу, тем больше вечный ремонт давал о себе знать, в темноте то и дело нужно было выезжать на встречу. И это при почти неработающих поворотах и общей усталости.

... Домой приехали к полуночи. Кот шарахнулся от нас, как черт от ладана — за две недели он попросту забыл, что мы у него есть. А когда началась разгрузка машины...

С час мы носили вещи, заполонив ими все пространство в квартире. Но на большее сил уже не хватило. Правда, была припасенная в магазине бутылочка вина, которую мы также традиционно откупорили и, как всегда, на адреналине, просидели еще с час, обсуждая все, включая планы на следующий год. А потом повалились спать.

На следующий день позвонил Кирилл, поблагодарил за дары (не сомневаюсь, что матрац уже починен, а всему остальному — найдено новое применение) и сообщил, что ночная охота на моем месте — просто чума, рыбы-языка и бычка такое количество, что он раздал проходящим по берегу людям килограмма два, но вечером пойдет на охоту опять... Ну и вот как тут спать в кровати перед телевизором?!

...Есть у меня и такая проверенная привычка — после отпуска иметь в запасе 2 дня выходных. Зачем? Привыкнуть к стенам.

Когда ты полмесяца или более проводишь на открытом воздухе, а взгляд твой ограничен только линией горизонта, оказаться в коробке 22х квадратных метров, без воздуха, без шума прибоя, без криков чаек — это невыносимо. Так чувствуют себя пойманные в клетку звери. И выйти на работу (да еще если эта работа — совершенно нелюбима тобой) — это просто наказание за грехи. И на выручку приходят заранее припасенные отпускные пара дней, когда ты, приняв ванну, разобрав вещи, отдышавшись, можешь, наконец, сесть и спланировать... следующий выезд на Десну.

И ты ждешь ближайшего выходного (а он, мудро спланировано наступает после дозированного 1-2х дневного рабочего периода) и выезжаешь снова, чтобы вырваться из стен, снова почувствовать запах травы, дыма, услышать крик пусть речных, но чаек, пообщаться с теми, кто был с тобой ТАМ, до самого края лета, и кому вовсе не нужно

передавать словами эмоции. И хотя сентябрьские ночи уже не такие ласковые, как южные августовские, все равно — еще звенят гитары, еще можно окунуться в прохладную реку, еще в кайф идет пиво и еще отлично можно провести несколько ночей в компании друзей и открыть глаза в палатке, а значит — лето еще не сдается, лето еще борется, оно цепляется за тебя последними ласковыми солнечными лучиками. Ты понимаешь, что уже пора прощаться, закрывать сезон, консервировать места. И единственным утешением, которое уже щекочет своей непредсказуемостью, остается надежда на большой осенний грибной сезон.

Скоро рванут грибы, и можно будет, хоть и без ночевки, но все еще лазить по осеннему лесу, дышать полной грудью хвойным ароматом, радоваться трофеям. А значит — ненавистная зима где-то еще очень далеко, где-то там, где я, может, и не окажусь вовсе, кто знает, как распорядится судьба...

Но, что бы ни случилось, — всегда со мной теплая шаль воспоминаний в фотографиях, видосиках, привычных походных вещах, зимующих в шкафу и которые (я уже знаю, что не выдержу) начнут перебираться уже в феврале. А потом, когда минут зимние ноющие, как зубная боль метели, снова вернется тепло, запахнут апрельские цветы на деревьях, закружат сонные мухи. И позвонит телефон. И хриплый, бородатый, но хорошо поставленный голос, откашлявшись, пробасит в трубку: «Привет! А не пора ли нам, мой друг...?»

И все начнется сначала.

19.12.2017

Алекс Кегли. Киев.

